

СИНХРОНИЗАЦИЯ

Di Ya

Синхронизация

«Автор»

2026

Ya D.

Синхронизация / D. Ya — «Автор», 2026

Первая книга из цикла дилогии "Между тактами". Мир охвачен искусственной эпидемией, превращающей людей в покорных марионеток. Элис лишена воспоминаний, но именно ее уникальная кровь — ключ к абсолютному ментальному контролю над зараженными. Для фанатичного доктора Крейна она лишь биологическое оружие. Для отряда беглых военных — последняя надежда на спасение. Элис предстоит бросить вызов своим создателям, вернуть украденное прошлое и остановить проект 'Синхронизация'. Но главная битва развернется внутри нее самой: как овладеть разрушительной силой, способной подчинять чужой разум, и при этом не потерять собственную человечность. В процессе финального редактирования использовался ИИ.

© Ya D., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	33
Глава 7	41
Глава 8	55
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Li Ya, Di Ya

Синхронизация

Глава 1

Офис наполнялся привычными звуками: тихим гулом компьютеров, шорохом бумаг, приглушёнными голосами коллег. Я сидела за столом, уставившись в монитор, и пыталась сосредоточиться на строках кода — они расплывались, теряли стройный математический смысл, превращаясь в бессвязный танец черных символов на режущем глаза белом фоне.

Я моргнула. Раз. Другой.

Боль пульсировала в висках густыми, тяжелыми толчками. Воздух в просторном оупен-спейсе казался слишком сухим, мертвым. Он был пропитан запахом перегретого пластика, дешевого жареного кофе и мелкой бумажной пыли, которая оседала на гортани. Это был абсолютно нормальный, стерильный мир среднестатистической компании, но сегодня каждая его деталь вызвала у меня необъяснимую тошноту. Я втянула этот синтетический воздух носом, отчаянно пытаясь заякорить себя в реальности. Зацепиться за гул кондиционера. За шелканье чужих мышек. Но внутри нарастало знакомое, сводящее с ума чувство падения в бездну.

Вчерашний вечер. Что я делала вчера после работы?

Память ускользала, осыпалась мелкими стеклянными осколками, ранящими сознание. Я тянулась к самому простому воспоминанию — как закрыла входную дверь своей квартиры, как повернула ключ в замке, — но вместо привычной картинки натыкалась на слепое, зияющее ничто. Глухая черная стена там, где должен быть мой собственный опыт. Лишь фантомный холод металла в ладони и смутное, иррациональное чувство липкого страха.

— Эй, Земля вызывает Элис! Прием!

Звонкий, слегка надломленный голос разорвал вязкую пелену моих мыслей. Я вздрогнула так сильно, что едва не опрокинула пластиковый органайзер с ручками, и резко повернула голову.

На край моего рабочего стола бесцеремонно опустилась Сабрина. Копна ее длинных, ослепительно светлых волос мягким водопадом рассыпалась по плечам ярко-желтого, режущего взгляд свитера. В ее серо-голубых глазах плясали нервные искорки, а в воздухе мгновенно запахло чем-то пронзительно цитрусовым и приторно-сладким. Это был ее любимый парфюм, который она всегда наносила слишком щедро, словно пыталась заглушить им все остальные запахи мира.

— Ты вообще здесь, подруга? — Сабрина пощелкала тонкими пальцами с идеальным френчем прямо перед моим носом. — У тебя вид такой, будто ты привидение в коридоре увидела. Или, что еще страшнее, нашего финансового директора без макияжа.

— Просто... немного не выспалась, — я попыталась выдавить легкую улыбку, но мышцы лица казались деревянными, непослушными. — Строки сливаются в одно пятно.

— Еще бы им не сливаться! — фыркнула она, драматично закатив глаза. — Эта древняя корпоративная система скоро сожрет наши мозги на завтрак. Я клянусь, еще один зависший пакет данных, и я просто вышвырну этот монитор в окно, а потом подам на них в суд за моральный ущерб.

Сабрина была ходячим ураганом. Яркая, шумная, с потрясающим чувством юмора, которое частенько переходило в легкую истерику, особенно когда дедлайны дышали в затылок. Она вечно жаловалась на 'корявую архитектуру' местной сети, постоянно сыпала заумными терминами и ругала корпоративные протоколы безопасности так пылко, будто это было ее личное оскорбление. Мы с остальными списывали это на ее эксцентричность и желание казаться умнее сисадминов.

— Оставь казенное имущество в покое, блондиночка. Вычтут из зарплаты, и на новые туфли не хватит.

Из-за соседней серой перегородки вынырнул Джим. В руках он осторожно нес две картонные чашки, от которых поднимался жидкий, сизый парок. От него, как всегда, пахло утренним холодом, сигаретным дымом с ментолом и свежей типографской краской утренней газеты, торчащей из кармана пиджака.

Он поставил одну из чашек прямо передо мной на распечатки.

— Ваш яд, леди. Двойной эспрессо без сахара. Хотя на вкус он и напоминает сегодня процеженные через тряпку жженые покрышки.

— Спасибо, Джим, — я обхватила чашку обеими руками.

Шершавый картон обжигал замерзшие ладони, и эта резкая физическая боль странным образом помогала сфокусироваться, отгоняя туман из головы.

— А мне? — искренне возмутилась Сабрина, скрестив руки на груди. Ткань ее желтого свитера натянулась.

— А тебе на сегодня хватит кофеина. Ты и так вибрируешь на частоте нашего офисного вай-фая, — хмыкнул Джим, поправляя указательным пальцем съехавшие на переносицу очки в роговой оправе. — Если выпьешь еще, начнешь светиться в темноте.

— Очень смешно. Обхохочешься, — она надула губы, но тут же расплылась в широкой, искренней улыбке. — Просто меня сегодня жутко бесит этот дурацкий файрвол! Я пыталась залить утренний апдейт баз данных, а система меня отбрасывает, словно я какой-то вредоносный троян. Будто кто-то специально переписал протоколы безопасности посреди ночи, закрыв все бэкдоры. Это же паранойя!

Я сделала маленький глоток. Кофе действительно горчил невыносимо, оставляя на корне языка неприятный пепельный привкус. Слова Сабрины о закрытых протоколах пролетели мимо моего сознания, потому что мое внимание снова приковал светящийся монитор.

Мой код.

Я ли сама его писала?

Мои пальцы безвольно лежали на черных клавишах клавиатуры, но я совершенно не чувствовала с ней связи. Логика скрипта, развернутого на экране, вдруг показалась абсолютно чужой, словно ее выстраивал кто-то с совершенно иным, машинным типом мышления. Идеально выверенная, безжалостно логичная, пугающе безупречная структура. Я не могла написать так чисто. В моем стиле всегда была легкая хаотичность. А это... это было чужим.

Желудок скрутило от внезапного болезненного спазма. В ушах начал нарастать тонкий, мерзкий звенящий писк.

— Элис? — голос Джима прозвучал глухо, словно мы находились по разные стороны толстого аквариумного стекла.

— Да, — я часто заморгала, с трудом стряхивая накатившее оцепенение. Писк медленно стих, уступая место гулу голосов в офисе. — Все нормально. Просто... правда, голова раскалывается. Наверное, давление прыгает.

— Таблетку? — Сабрина мгновенно сменила театральный гнев на искреннюю заботу. В ее серо-голубых глазах плеснулась неподдельная тревога. Она засуетилась, резво полезла в свою огромную бездонную сумку, висевшую на спинке стула. — У меня где-то был ибупрофен. Или аспирин. Или те странные синие таблетки, которые мне мама прислала по почте. Я понятия не имею, от чего они, но вырубает отлично, если надо поспать!

— Нет, спасибо, Саб. Думаю, лучше обойтись без неопознанных синих таблеток, — я слабо, но искренне усмехнулась, чувствуя, как немного отпускает напряжение в плечах.

Ритм офисной жизни продолжал монотонно пульсировать вокруг нас. Клацанье десятков клавиш сливалось в единый звук, напоминающий непрерывный стрекот механических насекомых. Сквозь полузакрытые пластиковые жалюзи на огромных окнах пробивался тусклый, болезненно-серый свет пасмурного утра. Город за толстым стеклом казался выцветшей, неживой фотографией. Декорацией.

Декорацией, в которой что-то пошло не так.

— Как знаешь, мое дело предложить, — Сабрина пожала плечами, выуживая из недр сумки маленькое зеркальце и педантично поправляя выбившуюся прядь своих светлых волос. — Кстати, вы новости сегодня утром слушали? Говорят, в восточном районе ночью были какие-то жуткие перебои с электричеством. Половина сектора сидела в кромешной темноте.

— Опять главная подстанция барахлит? — Джим сделал большой глоток из своей чашки и скривился от вкуса. — У них там оборудование не менялось со времен холодной войны. Чудо, что весь этот чертов город еще не погрузился в каменный век.

— По официальному каналу в новостях сказали, что это из-за банальной перегрузки сети. Но мой... эм, один знакомый с форума... — Сабрина внезапно осеклась, заметив ироничный, чуть насмешливый взгляд Джима. Она быстро поправила воротник свитера. — Короче, в сети пишут, что там ночью оцепили весь периметр. И это были не просто копы. Военные.

Военные.

Одно это слово, произнесенное вскользь, вдруг отозвалось в моей груди странным, болезненно вибрирующим эхом. Как мощный удар в огромный чугунный колокол, звук которого давно затих, но тяжелый металл все еще продолжает мелко, ощутимо дрожать.

Мои пальцы непроизвольно сжались, сминая горячий картон кофейной чашки. Капля темной, обжигающей жидкости выплеснулась через край прямо на стол, оставив на безупречно белом пластике уродливое коричневое пятно, похожее на кляксу грязи.

— Опять твои конспирологические теории заговора, Саб? — Джим тяжело вздохнул, вальяжно облокотившись о мою перегородку. — То у тебя правительство читает наши переписки через микроволновки, то армия захватывает трансформаторные будки в спальном районе. Тебе пора перестать читать всякую чушь по ночам.

— Я не читаю чушь! — возмущенно и немного истерично пискнула она. На ее бледных, покрытых легким слоем пудры щеках вспыхнул яркий румянец. — Я просто умею анализировать информацию, в отличие от тех, кто слепо верит телевизору. И вообще, это ни капли не смешно, Джим. Люди пишут, что там были сирены эвакуации.

Я неотрывно смотрела на пятно пролитого кофе.

Оно казалось слишком темным. Слишком реальным и грязным на фоне этого идеального, стерильного офиса. Мои мысли в панике метались, пытаюсь собрать мозаику из разрозненных обрывков, но края деталей не сходились. Военные. Оцепленный периметр. Сирены в ночи. Почему мне так первобытно, до тошноты страшно? Почему пульс бьется прямо в горле, словно пойманная в силки птица, пытающаяся вырваться наружу?

Что, черт возьми, со мной происходит?

Пустота в моей голове внезапно начала обретать пугающую текстуру. Она была холодной, гладкой и непробиваемой, как толстая металлическая стена. Каждый раз, когда мое сознание пыталось заглянуть за нее, чтобы найти хоть крупицу вчерашнего дня, разум грубо отторгал попытку, защищаясь острым приступом дурноты и боли.

— Элис, ты точно в порядке? Ты бледная как мел, — Сабрина отложила свое зеркальце прямо на клавиатуру и наклонилась ко мне ближе.

От нее снова пахло цитрусами, но теперь сквозь сладость парфюма пробивались нотки острого, чистого беспокойства.

— Да, я просто...

Договорить я не успела.

Ритмичный, успокаивающий гул десятков серверов и кулеров внезапно оборвался, оставив после себя оглушительную, звенящую тишину. Длинные лампы дневного света под потол-

ком тревожно замигали, издали громкий треск, поразительно похожий на звук рвущейся плотной ткани, и разом погасли.

Мерцающие мониторы вспыхнули ярким, режущим синим светом, высвечивая испуганные лица коллег, и тут же потухли, погрузив огромный оупен-спейс в вязкие, неестественные сумерки.

По офису мгновенно прокатился коллективный вздох, переходящий в недовольный, нарастающий ропот десятков голосов.

— Твою мать! — Джим в сердцах с силой хлопнул ладонью по моему столу. Чашка с кофе подпрыгнула. — Я не успел сохранить локальную базу данных за последние два часа!

— Я же говорила! — истерично взвизгнула Сабрина, резко вскакивая со своего стула.

В полумраке помещения ее длинные светлые волосы казались почти призрачным ореолом вокруг напряженной фигуры.

— Я говорила, что эта сеть нас погубит! — ее голос сорвался на высокую ноту. — Это не просто системный сбой, Джим, клянусь, это...

Но ее слова утонули в другом, гораздо более страшном звуке.

Низкий, утробный, рокошующий гул зарождался где-то глубоко под нами, под землей. Он прошел сквозь толстые бетонные перекрытия фундамента, поднялся по стальным несущим балкам здания и заставил ощутимо, мелкой дрожью вибрировать пол прямо под моими ногами. Это совершенно не было похоже на обычное аварийное отключение электричества в бизнес-центре. Это было похоже на пробуждение чего-то колоссального.

Воздух в комнате стремительно, неестественно быстро остыл.

Густой запах озона, словно перед страшной грозой, стал настолько плотным, что обжег ноздри и застрял в горле комом.

Я сидела в полутьме, крепко вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники своего кресла. Я слышала, как паникует и тяжело дышит Сабрина, как грязно ругается Джим, пытаюсь перезагрузить свой бесперебойник, как гудят голоса десятков растерянных, испуганных людей вокруг нас. Но внутри меня самой в этот момент воцарилась пугающая, абсолютная тишина.

Острые осколки стертой памяти в моей голове вдруг замерли, перестав резать сознание.

Что-то неотвратимое надвигалось на нас, накрывая этот город огромной черной тенью.

И, несмотря на свое полностью стертое прошлое, несмотря на зияющую, слепую пустоту в мыслях, я абсолютно точно знала одну-единственную вещь.

Моя прежняя, тихая жизнь окончательно закончилась именно в эту секунду.

Глава 2

Вибрация медленно ушла в бетон, оставив после себя лишь фантомную дрожь в коленях. Оглушительная тишина офиса, разорванная ранее треском ламп, теперь казалась плотной, осязаемой материей.

Запах озона висел в воздухе тяжелым облаком, смешиваясь с ароматом чужого пота и дешевого пластика, который источали остывающие системные блоки.

Эвакуация прошла скомкано, словно в дурном сне.

Красные мигающие лампы аварийного освещения заливали лестничные пролеты густым, тревожным светом, превращая лица коллег в гротескные, напуганные маски. Мы спускались в тягостном молчании. Лишь Сабрина изредка нервно всхлипывала, бормоча проклятия в адрес системных администраторов и городской мэрии, а Джим тяжело дышал позади меня, освещая ступени тусклым лучом фонарика старенького телефона.

Улица встретила нас промозглым холодом.

Город, обычно пульсирующий неонами и гудками машин, казался парализованным, мертвым. Светофоры ослепли. Метро закрыли. Сотовая связь выдавала лишь бесконечные, издевательские гудки, обрываясь на каждой попытке соединения. Мы бесцельно брели вдоль забитого машинами проспекта, вдыхая сизый, пропитанный едким выхлопным газом и сыростью воздух. Сумерки сгущались слишком быстро, окрашивая фасады зданий в пепельно-серые тона.

Небо уже потемнело, когда мы втроём остановились у афиши кинотеатра. Сабрина, как всегда полная энергии, ткнула пальцем в постер нового хоррора:

— Вот это! — её глаза горели азартом. — То, что надо!

Я замерла.

Глянцевая бумага постера пестрела багровыми и черными пятнами. Изображение залитой неестественно ярким светом больничной палаты, искаженное лицо кричащего человека, обилие режущего глаза красного.

Мой мозг, отчаянно ищущий опору в стертом прошлом, вдруг выдал острую, как бритва, вспышку.

Белый свет. Запах спирта. Холод металла на коже.

Резкая тошнота подкатила к горлу. Осколок чужого — или моего? — воспоминания вонзился в висок ледяной иглой. Я судорожно вдохнула, делая неверный шаг назад, чувствуя, как мокрый асфальт уходит из-под ног.

— Остынь, Саб, — голос Джима прозвучал непривычно резко, разрубая мою панику.

Он шагнул вперед, ненавязчиво, но твердо закрывая своей широкой спиной жуткую афишу.

— Какой к черту хоррор? Метро стоит, такси не вызывать, а ты хочешь смотреть на расчлененку, пока на улицах начинается массовый психоз? — он поправил очки на переносице, но я успела заметить, как нервно дернулась его рука. — Идем. На углу есть кофейня, там вроде горит свет. Переждем, пока не пустят транспорт.

Он посмотрел на меня.

В его темных глазах плескалась затаенная тревога, которую он отчаянно пытался замаскировать привычным офисным ворчанием. Он всегда так смотрел, когда думал, что я не замечаю. Долго, изучающе, с какой-то почти болезненной заботой, спрятанной глубоко за фасадом циника. Джим никогда не переходил черту, никогда не произносил лишних слов, но в его присутствии, в том, как он всегда оказывался рядом в моменты моих необъяснимых приступов паники, было больше защиты, чем в любых обещаниях.

Кофейня встретила нас густым запахом пережженного сахара, корицы и влажной шерсти.

Здесь работал бензиновый генератор. Его мерный, утробный рокот доносился с заднего двора, заставляя тонкие стекла в рамах мелко дребезжать. Помещение было набито людьми, пытающимися согреться и поймать хоть крупицу информации из внешнего мира, но нам чудом удалось занять угловой столик с потертыми велюровыми диванами цвета увядшей розы.

— Ну серьезно, вы такие скучные! — Сабрина стянула с шеи объемный шарф и плюхнулась на диван.

В полумраке кофейни ее длинные волосы казались почти белыми, а ярко-желтый свитер — единственным живым пятном в этой серой, тревожной реальности. В серо-голубых глазах блестели невыплаканные слезы, но она упрямо продолжала улыбаться.

— Конец света надо встречать весело, а не с вашими похоронными лицами. Я, между прочим, видела на форуме, пока сеть не легла окончательно, что это может быть масштабная хакерская атака. Представляете? Как в кино!

Ее голос звенел слишком громко. Истерика, зародившаяся еще в офисе, никуда не делась, она просто спряталась за хрупким щитом из болтовни.

Я не слушала. Мои пальцы механически гладили поверхность стола. Дерево было теплым, липким от пролитого кем-то сиропа, и эта мелкая тактильная деталь помогала мне держаться на плаву, не проваливаясь в бездну.

Джим поставил передо мной большую керамическую кружку.

— Зеленый чай. С мятой и без сахара, — коротко бросил он, садясь напротив.

От него пахло ментоловыми сигаретами, которые он успел выкурить на крыльце, и влажным драпом пальто.

Я обхватила кружку обеими ладонями.

Горячий фарфор обжег замерзшую кожу. Я уставилась на бледно-желтую жидкость. Мята. Я люблю чай с мятой. Это знание существовало во мне как непреложный факт, но я совершенно не помнила, когда именно я его полюбила. Кто впервые заварил мне его? Пила ли я его в детстве на веранде дома?

Детство.

Слово прозвучало в голове как пустой звук. Там не было ни лиц родителей, ни стен родного дома, ни вкуса именинного торта. Лишь глухая, черная, идеально гладкая стена, о которую разбивалось любое усилие воли. Я была сосудом, из которого безжалостно выкачали содержимое, оставив лишь базовые рефлексy и умение писать сухой программный код.

— Элис, — Джим слегка подался вперед.

Его рука легла на стол, всего в миллиметре от моих подрагивающих пальцев, но так и не коснулась их.

— Ты вообще с нами? Ты бледная, как смерть. Может, все-таки найти врачей? Если скорые еще ездят, конечно.

— Нет, — я мотнула головой, отгоняя ледяное наваждение. — Просто устала. Этот свет, гул... все навалилось разом. Спасибо за чай, Джим.

Он едва заметно выдохнул, уголок его губ дрогнул в подобии облегченной улыбки.

— А мне он взял эспresso! — возмутилась Сабрина, театрально взмахивая тонкими руками. Парфюм с ароматом цитрусов снова ударил в нос, перебивая запах корицы. — Я и так на грани нервного срыва, а он хочет, чтобы у меня сердце остановилось от кофеина!

— Твое сердце, Саб, способно пережить прямое попадание метеорита, — хмыкнул Джим, вальяжно откидываясь на спинку дивана. — Пей и не жалуйся. Нам еще предстоит марш-бросок пешком через половину города, если эти идиоты не починят подстанцию.

За окном кофейни сгустилась абсолютная, чернильная ночь.

Уличные фонари не горели, и единственным источником света были фары медленно ползущих в бесконечной пробке машин. Люди за соседними столиками переговаривались приглушенным, испуганным шепотом. Атмосфера сгущалась, наливалась свинцовой тяжестью, от которой становилось трудно дышать.

Я сделала глоток чая. Горячая жидкость обожгла горло, принося временное, иллюзорное утешение.

И тут свет в кофейне мигнул.

Раз. Другой.

Генератор на заднем дворе надсадно чихнул, сбился с ритма, жалобно лязгнул металлом и затих. Помещение мгновенно погрузилось в крошечную тьму, озаряемую лишь бледными экранами мобильных телефонов.

В зале повисла гробовая тишина. А затем сквозь толстое стекло витрины до нас донесся звук.

Это не были нетерпеливые гудки гражданских машин.

Это был тяжелый, размеренный рокот десятков мощных дизельных двигателей. Он приближался со стороны оцепленного восточного района, о котором утром так беспечно болтала Сабрина.

Я прильнула к холодному стеклу.

По пустой встречной полосе, игнорируя застрявшие в заторе легковые автомобили, сквозь мертвый город двигалась колонна. Огромные, матово-черные бронированные грузовики шли совершенно без включенных фар, словно слепые призраки в ночи. На их ребристых бортах не было ни опознавательных знаков, ни номеров. Только глухая, безликая военная броня.

Никаких сирен. Никакой полиции. Только первобытный, вибрирующий рокот, от которого мелко дрожал пол кофейни под моими ногами.

В груди снова начала стремительно разрастаться та самая холодная, парализующая пустота.

Они ехали не спасать нас.

Я не знала, откуда у меня эта жуткая, непоколебимая уверенность. Словно какой-то древний инстинкт, зарытый глубоко под слоями стертой памяти, кричал об опасности, требуя немедленно бежать, прятаться, исчезнуть. Моя кровь гулко стучала в висках, словно пытаясь пробить себе путь наружу, предупредить о чем-то неотвратимом.

Джим тяжело поднялся в темноте, заслоняя меня от окна.

Глава 3

Всё произошло слишком быстро. Только что мы сидели в кафе — Сабрина звонко, с легкой истеричной ноткой смеялась, размахивая руками, Джим кривил губы в ободряющей полуулыбке, а я, сжимая горячую кружку, на жалкую долю секунды почувствовала себя в безопасности.

А потом мир разлетелся на куски.

Грохот не имел ничего общего с обычным звуком. Это была плотная, осязаемая стена чудовищного давления, которая ударила в стеклянную витрину снаружи, мгновенно превратив ее в смертоносную шрапнель. Ослепительная, выжигающая сетчатку белая вспышка поглотила полумрак кофейни. Пол буквально ушел из-под ног. Воздух сжался, грубо выдавливая кислород из моих легких, и время потеряло всякий смысл, растянувшись в одну бесконечную, звенящую секунду падения в бездну.

Тьма.

Я очнулась на асфальте.

Первым вернулось осязание. Моя правая щека плотно прижималась к ледяной, влажной крошке битого стекла и шершавому бетону. В нос ударил едкий, тошнотворный коктейль запахов: жженный пластик, раскаленный металл, сладковатый аромат корицы из разрушенной кофейни и густой, железистый смрад свежей крови. Я попыталась сделать вдох, но горло тут же свело мучительной судорогой от попавшей в него кирпичной пыли и пепла.

В ушах стоял высокий, непрерывный писк, словно кто-то безжалостно вонзил мне прямо в мозг тонкую вибрирующую иглу. Сквозь этот монотонный, сводящий с ума звон начали пробиваться звуки реальности. Сначала они доносились как сквозь толщу мутной воды, а затем становились всё четче, резче, болезненно ударяя по натянутым нервам.

Крики.

Сотни срывающихся, искаженных ужасом голосов, плач, истеричные призывы о помощи. И сирены. Их механический вой разрывал ночное небо на части, наслаиваясь друг на друга, создавая какофонию абсолютного хаоса.

Я попыталась приподняться на локтях.

Тело отозвалось не сразу. Оно казалось чужим, ватным, набитым свинцом. Каждое движение требовало колоссальных усилий, пока я рефлекторно не попыталась потянуть к себе правую ногу.

Вспышка боли была настолько первобытной, настолько ослепляющей, что из моего сухого горла вырвался лишь жалкий, задущенный хрип. Эта боль не пульсировала ритмично. Она горела ровным, безжалостным белым пламенем, разрывая плоть и парализуя волю. Я в панике опустила мутный, слезящийся взгляд.

Джинсы на моем правом бедре полностью пропитались темной, маслянисто-блестящей в свете уличных всполохов жидкостью. Из разорванной в клочья ткани, глубоко погружившись в мышцу, торчал огромный, зазубренный кусок витринного стекла. Он был похож на уродливый хрустальный кинжал. Осколок издевательски преломлял вспышки красно-синих мигалок, словно злобещая, выросшая из моего собственного тела призма. С каждой секундой вокруг моей ноги на грязном асфальте расползалась темная лужа.

Меня затрясло.

Липкий холодный пот мгновенно покрыл лоб и шею. Дыхание превратилось в короткие, рваные всхлипы. Я смотрела на свою рану, и мой поврежденный разум вместо отключения от шока начал с пугающей четкостью анализировать угол вхождения осколка. Задета ли артерия? Сколько миллиметров до кости?

Откуда я это знала? Почему мой мозг работал как хладнокровный медицинский сканер, пока я умирала от животного ужаса? Моя память снова играла со мной, подсовывая обрывки чужих знаний без контекста.

— Элис!

Голос прорвался сквозь плотную пелену надвигающейся паники.

Чьи-то сильные руки грубо, но спасительно схватили меня за плечи, не давая окончательно завалиться на спину в грязную лужу. Надо мной нависла знакомая темная фигура.

— Элис, смотри на меня! Только на меня, слышишь?

Это был Джим.

Его привычный, непробиваемый циничный фасад был снесен ударной волной. Очки исчезли. По левой щеке, от глубоко рассеченной брови до самого подбородка, змеилась толстая струйка крови, исчезая за воротником перепачканного серой пылью пальто. В его темных глазах плескался чистый, ничем не прикрытый страх.

— Джим... — мой голос прозвучал как шелест сухой бумаги. — Мне больно.

— Я знаю. Я знаю, держись. Не смей смотреть туда, — он резко перехватил мое лицо испачканными ладонями, заставляя смотреть прямо ему в глаза. Его пальцы ощутимо дрожали. — Скорая уже здесь. Половина квартала взлетела на воздух. Взрыв газа, или что-то замкнуло на подстанции... Они здесь, Элис. Держись, сейчас я позову помощь.

Я скосила глаза за его плечо, пытаюсь осознать масштаб катастрофы.

Улица, еще недавно утопавшая во тьме и раздраженных гудках автомобилей, превратилась в филиал ада на земле. Мертвый город внезапно ожил, но это была агония. Вспышки стробоскопов машин экстренных служб — красные, синие, ослепительно-желтые — безжалостно резали густую темноту. Они выхватывали из нее искореженные, дымящиеся остовы машин и обрушенные фасады первых этажей.

Люди в неоновых жилетах парамедиков и тяжелой боевке пожарных метались в дыму, словно растерянные призраки. Воняло жженой резиной, разорванным бетоном и паникой. Никаких зловещих черных грузовиков, о которых кричали мои инстинкты. Никаких военных или оцепления. Только обычная, грязная, человеческая катастрофа. Обычный хаос.

— Сабрина... — я вцепилась ледяными, непослушными пальцами в рукав Джима. Ткань его пальто намочла от чужой крови. — Где Сабрина?

Джим замер.

Его зрачки расширились. Он резко обернулся, напряженно вглядываясь в мешанину из оседающей пыли, битого кирпича и кричащих, бегущих куда-то людей.

— Она была прямо за мной, — его голос предательски дрогнул, потеряв свою спасительную твердость. — Когда нас выбросило на тротуар ударной волной... Я был уверен, что она упала рядом.

— Найди ее, — я попыталась сесть, но разорванное бедро снова прострелило ослепляющим белым огнем, с силой отбрасывая меня обратно на асфальт. — Найди желтый свитер. Джим!

Он вскочил на ноги. Высокий, ссутулившийся от страха и собственной боли, он начал затравленно озираться по сторонам.

Я тоже искала. Сквозь слезы, выступающие от боли, сквозь едкий сизый дым, сквозь стремительно нарастающую слабость от потери крови. Мой взгляд отчаянно скользил по окровавленным лицам прохожих, по стонущим на асфальте телам, по суесящимся в панике спасателям.

Желтого цвета нигде не было.

Этот яркий, нелепый, режущий глаз оттенок ее свитера должен был светиться в ночной темноте. Он должен был стать спасительным маяком в этом пепельном хаосе. Но его не было. Как не было больше и приторно-сладкого запаха цитрусовых духов.

— Сабрина! — во весь голос заорал Джим, сложив перепачканные руки рупором.

Его отчаянный крик мгновенно потонул в оглушительном реве сирены подъехавшей вплотную пожарной машины.

Пустота. Зияющая, неправильная дыра в реальности.

Она сидела прямо напротив меня. Она смеялась и жаловалась на кофе буквально секунду назад. Люди не могут просто раствориться в воздухе, даже когда взрываются огромные окна. Их тела остаются. Их вещи остаются на земле.

— Эй! Сюда! У нас здесь тяжелая! — Джим внезапно отвлекся от поисков и замахал руками, бросаясь наперерез двум пробегающим мимо медикам с тяжелыми оранжевыми чемоданами.

Они подбежали быстро, скользя ботинками по битому стеклу. Молодая девушка с бледным, перекошенным от напряжения лицом и крупный, тяжело дышащий мужчина. Свет их ярких налобных фонариков ударил мне прямо по глазам, заставив болезненно зажмуриться и отвернуть голову.

— Пульс нитевидный, тахикардия. Массивная кровопотеря, — голос девушки звучал отрывисто, сухо, сугубо профессионально. Она без колебаний опустилась на колени прямо в лужу моей крови. — Осколок не вытаскивать, фиксируем. Срочно давай жгут!

Чьи-то руки в плотных латексных перчатках грубо коснулись моей ноги.

Я закричала.

Звук собственного голоса показался мне абсолютно чужим. Это был чистый, неконтролируемый вопль животного, загнанного в жестокую ловушку. Боль окончательно затопила сознание, безжалостно смывая жалкие остатки рациональных мыслей.

— Держу тебя. Я здесь, с тобой, — Джим снова оказался рядом, падая на асфальт и крепко сжимая мою ледяную ладонь. Его костяшки побелели от напряжения.

— Где она? — прошептала я, чувствуя, как реальность начинает опасно крениться и расплываться серыми пятнами.

Мужчина-парамедик с силой затянул резиновый жгут высоко на бедре, над самой раной. Новая, удушающая волна агонии прокатилась по телу, выбивая из легких последние крохи драгоценного воздуха. В глазах потемнело.

— Мы найдем ее, Элис. Я обещаю, мы найдем, — быстро бормотал Джим, но его бегающий взгляд, безостановочно сканирующий дымную, кричащую улицу, говорил о совершенно обратном.

Сабрины нигде не было.

Среди тотального хаоса, криков раненых, воя сирен и липкой крови, среди тысяч осколков нашего разрушенного мира она исчезла абсолютно бесследно. словно холодная корпоративная система, о которой она так много шутила утром, просто взяла и безжалостно стерла ее код из самой реальности.

Девушка-медик ловко вколола что-то мне в плечо.

Резкий холод химического препарата быстро пополз по венам, искусно гася белый пожар в разорванном бедре. Звуки улицы мгновенно начали вязнуть в густой, невидимой вате. Яркие вспышки мигалок слились в размытые, медленно пульсирующие неоновые пятна на фоне черного неба.

Последнее, что я помнила перед тем, как окончательно провалиться в мягкую, спасительную черную бездну, было измазанное кровью и сажей лицо Джима. Он продолжал что-то беззвучно кричать в пустоту мертвого города, зовя ту, которой, казалось, больше не существовало.

Глава 4

Рассвет пробился сквозь шторы бледной полоской света, окрасив комнату в холодные оттенки серого. Я открыла глаза — сон не принёс отдыха, лишь ненадолго приглушил тревогу. Тело ныло, нога пульсировала тупой, ритмичной болью, отзываясь на каждый тяжелый удар сердца в груди. Под тонким, пахнущим лавандой хлопковым одеялом мое правое бедро казалось чужеродным объектом, туго стянутым жесткими бинтами. Я уставилась на мелкие пылинки, лениво танцующие в бледном утреннем луче, и позволила вчерашней ночи обрушиться на меня лавиной.

Вспышки воспоминаний накатывали рваными, болезненными волнами. Стоило мне закрыть глаза, как серая спальня исчезала, уступая место слепящему, безжалостному свету больничных ламп.

Я помнила хаос приемного покоя. Запах едкой хлорки, жженой синтетики и густого, железистого человеческого страха. Мое тело неудержимо тряслось на узкой каталке, пока чьи-то руки в синих латексных перчатках методично и болезненно очищали рану от мелкой стеклянной крошки. Звуки сливались в одну оглушительную какофонию, но сквозь стоны раненых и резкие команды врачей мой мозг, словно высокоточный локаатор, выхватил обрывок тихого разговора у моего изголовья.

— Глубокое рваное ранение. Мышца задета, но крупные сосуды, слава богу, целы, — монотонно диктовал невидимый мне хирург, пока его инструменты сухо лязгали о металлический лоток.

— Доктор, взгляните на это, — женский голос, принадлежавший медсестре, звучал напряженно и неуверенно. — У нее странная реакция. Посмотрите на слизистые. Это не похоже на обычное воздействие дыма от пожара.

— Ожог?

— Скорее химическое поражение, — тихо ответила женщина, и я почувствовала, как холодный луч медицинского фонарика ударил мне в зрачок. — Микротравмы гортани и носоглотки. Как будто она дышала распыленной кислотой, а не гарью от газового взрыва. И ее пульс... он слишком быстро стабилизируется для пациентки с такой кровопотерей и травматическим шоком. Показатели регенерации аномальные.

— Не выдумывайте, сестра, — раздраженно отрезал хирург. — На улице взорвалась старая подстанция, там в воздухе сейчас висит половина таблицы Менделеева. Дайте ей убийственную дозу антибиотиков широкого спектра и готовьте к наложению швов. У нас в коридоре еще тридцать таких 'аномальных' с осколочными ранениями.

Игла прошивала мою кожу. Раз. Другой.

Я смотрела в белый, покрытый трещинами потолок клиники, и моя память, зияющая гулкой пустотой, отказывалась подсказывать, нормально ли это — совершенно не чувствовать подступающих слез, когда твою живую плоть стягивают суровыми нитками. Мой разум отсек панику, заменив ее холодным, расчетливым оцепенением. Выживанием.

Потом был выход из госпиталя в промозглую ночь.

Джим крепко поддерживал меня за талию, практически неся на себе. Его привычный деловой костюм превратился в лохмотья, а длинное пальто окончательно пропиталось серой пылью и моей кровью. Город за стеклянными дверями клиники напоминал зону боевых действий: были сирены, мигали стробоскопы полицейских машин, а небо над восточным районом все еще светилось тревожным багровым заревом. Нам чудом удалось поймать потрепанное желтое такси. Старый седан с прокуренным салоном и молчаливым водителем стал нашим спасательным капсулем.

Мы ехали прочь из эпицентра катастрофы.

За залитым дождем стеклом мелькали размытые неоновые вывески и остовы брошенных в бесконечной пробке машин. Чем дальше мы уезжали от центра, тем тише становилось вокруг. Агонизирующий город постепенно сменялся ровными, темными рядами аккуратных американских пригородов, погруженных в глубокий, безмятежный сон.

— Тормозни у той аптеки, — хрипло бросил Джим водителю, указывая на яркую светящуюся вывеску 'CVS', разрывающую ночную темноту на углу улицы.

Машина остановилась.

Я осталась одна на заднем сиденье, прижимаясь горячим лбом к холодному стеклу. Джим вышел, ссутулившись под мелким, морозящим дождем, и скрылся за автоматическими дверями аптеки. Водитель нервно постукивал пальцами по оплетке руля, то и дело поглядывая на меня в зеркало заднего вида. А я просто смотрела на идеально подстриженные лужайки, белые почтовые ящики и ровные фасады двухэтажных домов. Это был мой район. Мой мир. То место, куда я должна была возвращаться каждый вечер после работы. Но сейчас он казался мне плоской, картонной декорацией, нарисованной кем-то, кто никогда не видел настоящей жизни.

Джим вернулся быстро.

В руках он сжимал белый бумажный пакет, туго набитый упаковками с антибиотиками, сильными обезболивающими, рулонами марли и пластырями. От него пахло мокрым шерстяным драпом, ментолом и глубокой, непроходящей усталостью.

— Порядок, — тяжело выдохнул он, садясь рядом и стряхивая капли ледяного дождя с плеч. — Два квартала прямо и направо, шеф.

Мой дом.

Спустя пять минут мы стояли на небольшой деревянной веранде. Уютный коттедж, обшитый светло-серым сайдингом, выглядел точно так же, как на тех немногих картинках, что всплывали в моем поврежденном сознании. Вторая ступенька крыльца привычно, протяжно скрипнула под ногами Джима. Я механически достала ключи из кармана уцелевшей куртки. Металл привычно и тяжело лег в ладонь, но когда я вставила ключ в скважину и повернула замок, внутри меня ничего не дрогнуло. Не было чувства возвращения в безопасную гавань. Я

входила в чужое жилище, где кто-то неизвестный заботливо расставил мебель по моему вкусу, создавая иллюзию нормальности.

В прихожей пахло ванильным диффузором и застоявшимся, неживым воздухом.

Я тяжело привалилась спиной к стене, чувствуя, как действие больничного адреналина стремительно сходит на нет. На его место приходила сосущая, черная слабость, вытягивающая из мышц последние остатки сил.

— Я постелю себе на диване в гостиной, — безапелляционно заявил Джим, стягивая испорченное, грязное пальто и бросая его прямо на пуф у двери.

— Джим, не нужно, — мой голос прозвучал так слабо, словно это был лишь шелест сухой листвы на ветру. — Тебе тоже нужно домой. Тебе нужно переодеться. Отдохнуть.

— Исключено, — он резко повернулся ко мне.

В тусклом свете настенного бра его лицо казалось осунувшимся, постаревшим на добрый десяток лет за одну ночь. Глубокая царапина, пересекающая левую бровь, воспалилась и зловеще потемнела.

— После того, что мы видели сегодня... — его голос предательски дрогнул, но он тут же взял себя в руки, сжав челюсти. — После того, что случилось с Сабриной, я ни за что не оставлю тебя одну в пустом доме. Возражения не принимаются, Элис. Даже не пытайся со мной спорить. Тебе нужно принять эти таблетки и спать. Точка.

Я была слишком измотана для сопротивления.

Моя воля рассыпалась в серый прах. Я лишь безвольно кивнула, позволяя ему довести себя до спальни на втором этаже, принять горькие пилюли и провалиться в тяжелое забытие.

И вот теперь наступило утро.

Я сглотнула вязкую слюну, поморщившись от неприятного ощущения. Во рту стоял стойкий, едкий привкус металла и химикатов — то самое 'поражение слизистых', о котором вчера шептались врачи. В горле першило, словно я проглотила горсть мелкого песка.

Осторожно, стараясь не тревожить защитную мышцу, я села на краю кровати. Босые ноги коснулись мягкого, пушистого ворса ковра. Комната вокруг меня была идеальной. На комод стояла пара рамок с фотографиями — безликие пейзажи, какой-то абстрактный, ничего не значащий арт. Ни одного человеческого лица. Ни одного снимка с друзьями, родителями или бывшими любовниками. Словно человек, живущий здесь, намеренно стер свою собственную историю еще до того, как потерял память физически.

Сабрина.

Ее имя резануло по сознанию тупым, ржавым ножом. Девушка в нелепом желтом свитере, пахнущая цитрусами. Девушка, которая еще вчера утром звонко смеялась над файрволами и пила странные синие таблетки. Ее не нашли.

Джим без остановки звонил в полицию, прозванивал справочные всех городских госпиталей, пока мы ехали в такси. Нигде. Ни в списках поступивших раненых, ни в коротких, страшных списках погибших. Она просто испарилась в эпицентре взрыва, стертая из реальности, как программный код с отформатированного жесткого диска.

Я прижала ледяные ладони к лицу, глубоко вдыхая.

Что со мной не так? Почему вместо истерики, вместо нормального человеческого горя по исчезнувшей без следа подруге, внутри меня пульсирует лишь этот холодный, расчетливый анализ? Мой мозг, словно идеальная вычислительная машина, безжалостно отсекал любые эмоции, способные помешать выживанию. Я не плакала. Я анализировала.

Крепко опираясь рукой о стену, я заставила себя встать на ноги.

Бедро мгновенно обожгло вспышкой огня, но мощные обезболивающие, щедро выданные Джимом с вечера, превратили острую агонию в терпимое, тупое давление. Я похромала к двери спальни, волоча за собой правую ногу.

В доме стояла абсолютная, звенящая тишина.

Я медленно спустилась по деревянной лестнице, намертво вцепившись побелевшими пальцами в перила. Гостиная на первом этаже встретила меня бледным утренним светом, который ровными, геометрически правильными полосами ложился на пол сквозь полужакрытые пластиковые жалюзи.

Джим спал на узком кожаном диване.

Он неловко подогнул свои длинные ноги, пытаясь уместиться на короткой подушке. Он даже не снял свои тяжелые, испачканные бетонной пылью ботинки, лишь накинул сверху тонкий флисовый плед, который я обычно держала в кресле. Его лицо во сне казалось удивительно беззащитным, напряженные морщины вокруг губ разгладились. На стеклянном журнальном столике рядом с ним сиротливо стоял недопитый стакан воды и лежал телефон с потрескавшимся экраном.

Я долго смотрела на него.

Странное, тяжелое чувство зарождалось где-то глубоко в груди. Джим был моей единственной живой ниточкой, связывающей меня с ускользающей реальностью. Единственным надежным якорем в мире, который рушился прямо на глазах. За его ворчливостью и цинизмом скрывалась преданность, природу которой я, с моей стертой памятью, пока не могла до конца понять.

Стараясь не шуметь, я отвернулась от спящего коллеги и прихрамывая подошла к большому окну, выходящему на улицу.

Город за стеклом просыпался.

Сосед напротив — тучный, лысеющий мужчина в сером велюровом спортивном костюме — неспешно вышел на свой идеальный, ярко-зеленый газон, чтобы поднять брошенную курьером утреннюю газету. По мокрому асфальту медленно, с тихим шуршанием шин, проехал белый фургон службы доставки. Нормальность и повседневность этой картины была тошнотворной.

Они ничего не знали.

Эти люди спали в своих теплых постелях, пока центр их города взлетал на воздух. Они не видели тех огромных, матово-черных грузовиков без номеров, скользящих во тьме мертвых улиц, как голодные хищники. Не чувствовали этого густого, удушливого запаха озона за секунду до того, как ударная волна превратила витрину кофейни в смертоносную шрапнель.

Мои пальцы мягко коснулись холодного оконного стекла.

Пустота в моей голове — та самая черная, идеально гладкая стена, наглухо закрывающая мое прошлое, — вдруг начала мелко, ощутимо вибрировать. По ее монолитному основанию побежала едва заметная, но болезненная трещина. Я по-прежнему не помнила, кто я такая. Не знала, почему мое тело так быстро регенерирует после шока, и почему мой разум блокирует панику, заменяя ее тактическим расчетом.

Но, глядя на этот сонный, ничего не подозревающий пригород, я абсолютно точно осознала одну вещь.

Взрыв на подстанции не был случайностью или банальной техногенной катастрофой. И те люди, что сидели за рулем слепых черных грузовиков в оцепленном районе, обязательно вернутся, чтобы закончить начатое.

Глава 5

Джим.

Сон не принес облегчения. Он был похож на падение в густую, удушливую смолу, из которой я вынырнул с отчаянным, беззвучным криком, так и не сорвавшимся с губ.

Мое тело протестовало против пробуждения. Боль в шейных позвонках вспыхнула с такой силой, словно между ними за ночь вбили ржавый гвоздь. Кожаный диван подо мной издал протяжный, жалобный скрип, когда я попытался изменить положение. Я лежал, уставившись в незнакомый потолок, и несколько долгих секунд не мог собрать воедино осколки реальности. Где я? Почему во рту такой стойкий, едкий привкус пепла и старой меди?

А потом вчерашняя ночь обрушилась на меня бетонной плитой.

Взрыв. Ослепительная вспышка, выжигающая сетчатку. Ужас, разорвавший тишину кофейни на миллион звенящих осколков.

Я резко сел, сбросив на пол тонкий флисовый плед. Грудь тяжело вздымалась. Сердце колотилось о ребра, как сумасшедшее, перегоняя по венам остатки ночного адреналина. Мой взгляд метнулся по комнате и тут же наткнулся на неё.

Элис.

Она стояла у большого окна в дальнем конце гостиной. Тонкий, хрупкий силуэт на фоне безжалостно нормального утреннего света, пробивающегося сквозь жалюзи. Она опиралась рукой о стену, перенесла вес на здоровую ногу. Правое бедро, туго перебинтованное поверх джинсов, выглядело неестественно утолщенным.

Я смотрел на её напряжённую спину, и по моей коже полз липкий холодок.

Она не плакала. Ни разу за всю эту бесконечную, проклятую ночь она не сорвалась на истерику. Даже там, в больнице, когда хирург стягивал её разорванную плоть жесткими нитями, она смотрела в потолок пустым, анализирующим взглядом. Будто все это происходило не с ней. Будто она была лишь сторонним наблюдателем в собственном искалеченном теле. Эта её холодность, эта пугающая, животная способность к адаптации пугала меня едва ли не больше, чем сами черные грузовики, о которых она бредила.

Я с трудом оторвал от неё взгляд и посмотрел на свои руки.

Под ногтями запеклась темная грязь вперемешку с её кровью. Мой любимый пиджак, висящий сейчас на спинке стула, превратился в грязную половую тряпку, а на левой брови стягивало кожу глубокая, пульсирующая жаром ссадина.

Мы выжили. Каким-то чудовищным, невероятным чудом мы выбрались из этого ада.

Но мы выбрались не все.

Тишина этого идеального, пахнущего ванилью пригородного дома вдруг показалась мне невыносимой. В ней слишком громко звенело отсутствие одного конкретного голоса.

Сабрина.

Мое горло сжалось от спазма. Я крепко зажмурился, и в темноте под веками тут же вспыхнул ее образ. Но моя уставшая, травмированная психика подкинула мне не вчерашнюю Сабрину в ее режущем глаз желтом свитере. Мозг заботливо выудил из недр памяти совершенно другой, тихий день.

Это было около полугода назад, в дождливый вторник. В то утро она пришла в офис удивительно спокойной, лишенной своей привычной, искрящейся суетливости. На ней не было ярких цветов — лишь простая, пастельно-голубая хлопковая блузка с чуть засученными рукавами. Волосы не рассыпались по плечам, а были небрежно заколоты на затылке. Она подошла к моему столу тихо, почти неслышно, и осторожно поставила на край распечаток маленький пластиковый горшок. Внутри торчал нелепый, кривобокий кактус с редкими, агрессивно торчащими иголками.

— Что это за уродливый зеленый еж, Саб? — спросил я тогда, не отрываясь от монитора.

— Это наш талисман, Джим, — ее голос прозвучал необычно мягко, без привычного сарказма. Она коснулась кончиком пальца колючки и едва заметно улыбнулась. — Он неубиваемый. Ему не нужен идеальный климат, частый полив или особый уход. Он просто цепляется корнями за то небольшое, что у него есть, и живет вопреки всему. Прямо как мы с тобой в этой корпоративной мясорубке. Пусть стоит здесь.

Этот чертов кактус.

Он, скорее всего, все еще стоит на моем столе в обесточенном, мертвом офисе. А девушки в голубой блузке больше нет. Она испарилась, стертая ударной волной. Растворилась в облаке битого стекла и кирпичной пыли, не оставив после себя даже крика.

Дышать стало тяжело. Я с силой потер лицо ладонями, пытаюсь физически стереть это воспоминание, затолкать его в самый дальний угол сознания, чтобы не сойти с ума прямо сейчас.

Мой взгляд упал на стеклянный журнальный столик. Рядом с недопитым стаканом воды лежал мой телефон. Экран покрывала густая паутина трещин, а в правом верхнем углу издевательски горел значок перечеркнутой батареи. Мертв.

Паника, которую я так старательно давил в себе последние часы, вдруг поднялась из живота ледяной волной.

Моя семья.

Мама. И Джаннет.

Боже, Джаннет.

Моей младшей сестренке семнадцать. Тот самый возраст, который должен состоять из первых влюбленностей, глупых секретов с подружками и бунта против правил. Но реальность Джаннет была скроена из совершенно другой материи. В ее пухлой медицинской карте сухим, машинописным текстом был выведен диагноз: 'легкая шизоидная инвазия'. Для посторонних это звучало как заумный термин. Для нашей семьи это означало жизнь на постоянном минном поле.

Джаннет воспринимала мир через строгие, нерушимые алгоритмы. Ей была жизненно необходима рутина. Она могла часами сидеть на ворсистом ковре в своей комнате, методично расставляя книги по цветовому спектру обложек или выстраивая идеальные геометрические фигуры из карандашей. Малейшее нарушение привычного порядка, неожиданный громкий звук или изменение расписания вызывали у нее глубокую, бессловесную панику. Она не кричала. Она просто закрывалась в себе, раскачиваясь из стороны в сторону, бормоча под нос бесконечные ряды простых чисел, чтобы вернуть себе контроль над разваливающимся миром.

Что с ней будет сейчас?

Если мама включила утренние новости. Если они увидели эти кадры — пылающий восточный район, перекрытые улицы, дым, поднимающийся над городом черным столбом. Мама знает, где я работаю. Она знает, что кофейня, разлетевшаяся на куски, находится ровно в двух кварталах от моего офиса.

Я представил мамино побелевшее лицо. Представил, как она дрожащими руками раз за разом набирает мой номер, слыша лишь механический голос автоответчика. Представил, как Джаннет, почувствовав повисший в доме животный ужас, забивается в угол дивана и начинает монотонно отсчитывать секунды.

Им нужен я. Я должен быть там. Должен стоять в дверях, живой, пусть в грязном костюме и с разбитым лицом, но живой, чтобы доказать им, что мир не рухнул окончательно.

Я медленно, преодолевая ломоту в мышцах, спустил ноги с дивана.

Пол под тяжелыми ботинками скрипнул. Этот тихий звук в звенящей тишине гостиной прозвучал как выстрел.

Элис вздрогнула и медленно повернула голову.

Ее лицо в утреннем свете казалось полупрозрачным, выточенным из бледного мрамора. В ее глазах не было ни страха, ни растерянности. Только та самая пугающая, расчетливая пустота, за которой скрывался непрерывно работающий, анализирующий разум.

Я тяжело поднялся. Каждый шаг давался с трудом, словно я шел по дну океана, преодолевая колоссальное давление воды. Подойдя ближе, я остановился в паре метров от нее, не решаясь нарушить личное пространство, которое она так явно выстроила вокруг себя.

— Как нога? — мой голос прозвучал хрипло, чужеродно.

— Терпимо, — она ответила ровно, даже не взглянув на свои окровавленные джинсы. Ее взгляд снова скользнул за окно, на сонного соседа в велюровом костюме.

Она была здесь, со мной в одной комнате, но ментально находилась на световые годы далеко. Я понимал, что её амнезия и этот шок создали непробиваемый панцирь. Но мне было страшно оставлять её одну в таком состоянии. Страшно от мысли, что тени, которых она ждет, могут оказаться реальными.

Я тяжело вздохнул, чувствуя, как вина острыми когтями впивается в грудь.

Мне совсем не хочется её оставлять, но нужно пойти к родным — проведать маму и сестрёнку, заверить, что со мной всё в порядке. Увидеть своими глазами, что Джаннет в безопасности, что ее хрупкий мир не разрушен этим взрывом.

Я потер переносицу, собираясь с мыслями. Свел брови, стараясь придать голосу привычную твердость, хотя внутри все дрожало от усталости и страха.

Собравшись, я с грустью в глазах произнёс:

— Мне нужно домой, Элис...

Я тихо прикрыл за собой входную дверь, стараясь не скрипнуть замком. Щелчок механизма прозвучал в утренней тишине как ружейный выстрел, но дом Элис остался безмолвным. Я постоял на крыльце еще несколько секунд, глядя на матовое стекло двери, борясь с иррациональным, липким желанием вернуться. Оставить ее одну в таком состоянии казалось предательством. Ее разум балансировал на тончайшей грани, укрывшись за непробиваемой стеной холодного анализа. Но мой собственный мир, моя реальность, требовала моего присутствия в другом месте.

Я спустился по деревянным ступеням, чувствуя, как с каждым шагом тупая боль в шее отдает в затылок свинцовыми ударами.

Улица встретила меня промозглой, пробирающей до костей сыростью. Мелкий дождь наконец прекратился, но воздух был густым, тяжелым, пропитанным неестественным запахом. Смесь озона, влажного асфальта и той самой далекой, едкой гари, которая теперь навсегда въелась в поры этого города. Я засунул руки глубоко в карманы испорченного пальто, пытаюсь унять мелкую дрожь, и быстро зашагал в сторону своего района.

Мои мысли напоминали растревоженный улей. Я шел, механически переставляя тяжелые, гудящие от усталости ноги, и абсолютно не замечал того, что происходило вокруг. В моей голове раз за разом, словно заевшая пленка, прокручивались события минувшей ночи. Вспышка. Грохот. Залитое кровью бедро Элис. И пустота на том месте, где секунду назад сидела Сабрина.

Я зажмурился на ходу, пытаюсь отогнать это видение, но оно лишь ярче вспыхнуло под веками.

Город вокруг меня стремительно терял свой привычный, безопасный облик. Фасады домов казались серыми и враждебными, а редкие машины, проносящиеся мимо по мокрой дороге, воспринимались как потенциальная угроза. Я постоянно ждал, что из-за поворота вырулит один из тех слепых матово-черных грузовиков, о которых я столько слышал, но кото-

рых так и не увидел в эпицентре взрыва. Мое восприятие сузилось до размера тонкого туннеля, на конце которого пульсировала только одна цель — добраться до дома.

Улица вильнула, уводя меня в более старую, мрачную часть пригорода, где аккуратные лужайки сменялись покосившимися заборами и глухими, темными переулками.

— Эй... Эй, парень!

Голос прозвучал хрипло, надтреснуто, словно кто-то провел наждачной бумагой по ржавому металлу. Но я не остановился. Мой мозг, перегруженный адреналином и тревогой, просто отфильтровал этот звук, записав его в категорию белого шума.

— Парень! Я к тебе обращаюсь!

Внезапное движение сбоку вырвало меня из оцепенения. Я резко дернулся, инстинктивно отшатываясь в сторону и напрягая все мышцы, готовый к удару. Сердце совершило кульбит и забилося где-то в горле.

У обочины, привалившись спиной к грязной кирпичной стене, сидел бродяга. Его лицо терялось в тени глубокого, засаленного капюшона, а из-под кучи бесформенного тряпья торчали опухшие, замотанные в полиэтилен ноги. От него разило застарелой мочой, дешевым спиртом и гнилью.

— Монеткой не поделишься? — он протянул ко мне дрожащую, грязную руку с обломанными ногтями. — На еду... Трубы горят, сил нет.

Моя реакция была мгновенной и неконтролируемой. Страх, который я копил в себе всю ночь, ужас от потери подруги, тревога за Элис и паника за семью — все это мгновенно трансформировалось в чистую, концентрированную ярость. Забрало упало.

— Пошел к черту! — рявкнул я, делая агрессивный шаг в его сторону.

Мой голос сорвался на хриплый, злой рык. Я сам не узнал его. Это был голос человека, готового убивать за малейшее нарушение своих границ.

— Отвали от меня, ты понял?! Убери свои грязные руки!

Бродяга вздрогнул, инстинктивно втягивая голову в плечи и прижимая руку к груди. В его мутных, слезящихся глазах мелькнул испуг, который тут же сменился глухой, старческой обидой. Он медленно покачал головой, шамкая беззубым ртом.

— Никакого сердца у вас, молодых, — проскрипел он, отворачиваясь к стене. — Бежите куда-то, зенки вылупите... А внутри — пустота. Ни грамма человеческого. Только злоба одна.

Я пропустил его слова мимо ушей. Ни малейшего укола совести. Ни капли раскаяния за свою вспышку гнева. Этот старик был лишь досадной помехой, препятствием на моем пути к безопасности.

Я резко развернулся на каблуках и ускорил шаг, почти переходя на бег. Мое дыхание со свистом вырывалось из легких, образуя в холодном утреннем воздухе облачка белого пара. Мне нужно было укрыться от этого распадающегося мира. Запереть дверь. Отгородиться.

Оставив бродягу позади, в темном переулке, я свернул на свою улицу. Знакомый ряд домов вынырнул из утренней дымки. Наш дом — двухэтажный, с облупившейся краской на веранде и вечно скрипящей калиткой — сейчас казался мне самым прекрасным местом на планете.

Я взлетел по ступеням в два прыжка. Ключ лязгнул в замке, но руки дрожали так сильно, что я не смог повернуть его с первого раза. Выругавшись сквозь стиснутые зубы, я наконец распахнул дверь и ввалился в прихожую.

Пахло тостами, свежим кофе и старыми книгами. Этот запах был настолько нормальным, настолько домашним, что у меня на секунду потемнело в глазах от контраста с тем адом, из которого я только что вернулся.

— Джаннет? Я же просила не открывать... — голос мамы донесся из кухни.

Она вышла в коридор, вытирая руки о кухонное полотенце, и замерла на полуслове. Полотенце мягко выскользнуло из ее ослабевших пальцев и упало на паркет. Ее глаза расширились, а лицо стремительно потеряло все краски, став пугающе пепельным.

Я понял, как выгляжу со стороны. Высокий, ссутулившийся парень в разорванном, перепачканном серой пылью и засохшей чужой кровью костюме. На левой половине лица — от брови до подбородка — запеклась черная корка, а в глазах, наверное, все еще стоял тот первобытный ужас, который я безуспешно пытался подавить.

— Джимми... Господи боже мой, Джимми! — она бросилась ко мне, ее руки задрожали, не решаясь коснуться моей грязной одежды.

— Я в порядке, мам. Я жив, — я перехватил ее ледяные ладони и крепко сжал, стараясь говорить максимально спокойно. — Это не моя кровь. Со мной все хорошо.

— Новости... Мы смотрели новости, — ее голос дрожал, на глазах выступили слезы. — Там говорили, что центр взорван. Что связи нет. Я звонила тебе сотни раз, но автоответчик... Я думала... Я думала, что потеряла и тебя.

Она прижалась ко мне, уткнувшись лицом в мое жесткое, грязное плечо, и тихо заплакала. Я обнял ее, чувствуя, какая она хрупкая, и вина снова кольнула меня в грудь.

— Все закончилось. Я здесь. Где Джаннет?

— У себя в комнате. Она... она очень напугана, Джимми. Новости выбили ее из колеи. Она уже три часа сортирует карандаши.

— Я поднимусь к ней. Только сначала приведу себя в порядок.

Я отстранился, поцеловал маму в макушку и медленно, тяжело ступая по деревянным ступеням, поднялся на второй этаж. Зашел в свою комнату и плотно закрыл дверь. Тишина ударила по ушам.

Я подошел к зеркалу над комодом и включил бра. Оттуда на меня смотрел незнакомец. Под глазами залегли глубокие, черные тени. Рассеченная бровь воспалилась, края раны были красными и припухшими. Я стянул с себя испорченный пиджак, затем галстук, который теперь больше напоминал удавку. Рубашка прилипла к телу.

Двадцать пять лет. Мне двадцать пять, а я все еще живу в этой комнате, где на стенах остались следы от старых постеров. Я должен был съехать три года назад. Должен был снять крошечную студию в центре, гулять ночами, строить свою жизнь. Но потом случился тот звонок. Инсульт. Отец рухнул прямо на лужайке перед домом, не успев даже выпустить из рук шланг для полива. Похороны, тишина, повисшая в доме, и сломанная горем мать, которая не могла справиться с Джаннет одна.

И я остался. Пожалел их. Пожалел свой хрупкий, рассыпающийся мирок. Я стал их якорем, их защитником, принеся свою молодость в жертву этой стабильности. И я никогда не жалел об этом вслух. Но сейчас, глядя на свое разбитое лицо, я вдруг остро осознал, как сильно эта ответственность сковала меня.

Я быстро умылся ледяной водой в примыкающей ванной, смывая с себя сажу и кровь. Ссадина на брови отозвалась резкой болью, но это отрезвило меня. Переоделся. Выбросил изодранный костюм в мусорную корзину. Натянул плотные черные джинсы, тяжелые ботинки и темную водолазку. Сверху накинул плотную куртку из кордуры. Ощущение чистой, сухой одежды на мгновение подарило иллюзию комфорта.

Теперь мне нужно было вернуться. Я не мог бросить Элис. Не после того, как увидел ее пустые, анализирующие глаза. Она была сломана, но в ней скрывалась какая-то пугающая, первобытная сила, которая не давала мне покоя.

Я вышел из комнаты и толкнул дверь в спальню Джаннет.

Она сидела на полу, скрестив ноги. На пушистом ковре перед ней были разложены десятки разноцветных деревянных кубиков. Но она не строила из них башни. Она выстраивала их в идеальные, математически точные ряды, группируя по оттенкам. Красный к красному. Синий к синему. Ее пальцы двигались быстро, ритмично, словно лапки механического паука.

— Джи? — тихо позвал я.

Она не вздрогнула. Ее взгляд оставался прикованным к кубикам. Она была одета в свою любимую флисовую пижаму, застегнутую на все пуговицы до самого горла.

— Двадцать семь красных. Четырнадцать синих. Восемь зеленых. Асимметрия, — пробормотала она ровным, абсолютно лишенным интонаций голосом. — Взрыв разрушил симметрию города. Нарушена структура.

— Джи, посмотри на меня. Со мной все хорошо. Я вернулся.

Ее рука замерла над синим кубиком. Она медленно подняла голову. Ее светлые глаза, обычно блуждающие, сейчас смотрели прямо сквозь меня, с пугающей, нечеловеческой концентрацией.

— Ты вернулся, — констатировала она. — Но твой алгоритм не завершен. Твои зрачки расширены на три миллиметра больше нормы. Твой пульс неровный. Ты собираешься уйти снова.

Я тяжело вздохнул и присел перед ней на корточки, стараясь не нарушать границу ее идеальных рядов.

— Мне нужно поехать за одним человеком. Моя коллега, Элис... она пострадала. Ее дом небезопасен. Этот город сейчас небезопасен для нее одной. Я должен забрать ее и привезти сюда. Здесь мы сможем все обдумать.

Джаннет замерла. Ее лицо, обычно непроницаемое, вдруг напряглось. Она резко смахнула идеально выстроенный красный ряд кубиков. Деревяшки с сухим стуком разлетелись по ковру.

— Ошибка переменной! — ее голос внезапно стал громче, резче. — Ты внедряешь неизвестный элемент в стабильную среду. Элис — аномалия. Аномалии притягивают хаос.

— Джаннет, успокойся, послушай...

— Нет. Слушай алгоритм, Джим, — она вдруг подалась вперед и вцепилась тонкими, цепкими пальцами в рукав моей куртки. Ее хватка была неожиданно сильной. — Система сломана. Оставлять неизвестную переменную вне поля зрения — фатальная ошибка. Она не может быть там. Мы не можем быть здесь. Если ты едешь за аномалией, я еду с тобой.

Я опешил. Это было совершенно нетипично. Обычно Джаннет впадала в панику от малейшей мысли о том, чтобы покинуть свою комнату в момент стресса. Улица была для нее хаосом, который она не могла контролировать.

— Джи, исключено. На улицах полиция, пожарные. Там небезопасно. Ты останешься с мамой, закроете все двери и...

— Я еду с тобой, — ее тон не терпел возражений. Это не была истерика или каприз. Это было холодное, непоколебимое заявление факта, продиктованное ее искаженной, но железобетонной логикой. — Если я останусь, моя функция наблюдения отключится. Я должна интегрировать переменную в систему. Иначе система рухнет.

В дверях появилась мама. Она нервно теребила край фартука, переводя испуганный взгляд с меня на сестру.

— Джимми, не бери ее. У нее начнется приступ. Ты же знаешь, как она реагирует на sireны и толпу.

— Если он не возьмет меня, приступ начнется здесь, — совершенно спокойно ответила Джаннет, глядя на мать своими немигающими, прозрачными глазами. — И он будет разрушительным. Уровень стресса превысит критическую массу.

Я смотрел на сестру и понимал, что она не блефует. В ее глазах не было страха перед внешним миром — там горела маниакальная потребность восстановить контроль над ситуацией. Если я оставлю ее сейчас, она может причинить себе вред, а мать с ней не справится.

Мой мозг, и так работающий на пределе, судорожно просчитывал варианты. Оставить Элис? Невозможно. Оставить Джаннет, зная, что она на грани срыва? Тоже. Моя жизнь, мой тщательно оберегаемый карточный домик рушился, и правила игры менялись прямо на ходу.

Я медленно кивнул, чувствуя, как тяжесть принятого решения ложится на плечи.

— Хорошо, Джи. Одевайся. Мы едем за Элис.

Джаннет мгновенно отпустила мой рукав и одним плавным, роботизированным движением поднялась с ковра. Она ни разу не оглянулась на разрушенные ряды кубиков.

Старая «Форд» Джима ворчала, как раненое животное, когда он выкатывал её из гаража. Запах бензина смешался с утренней сыростью, проникая сквозь щели в стеклах дома. Я стояла у окна, чувствуя, как внутри меня медленно, но верно разрастается ледяная пустота. Вчерашний взрыв не закончился. Он всё ещё продолжался в моей голове, вибрируя осколками чужих воспоминаний, которые я не могла присвоить. Джим возился с мотором, и каждое движение его рук казалось мне механическим, почти нереальным.

Джаннет стояла рядом. Ее поведение изменилось так резко, что я невольно вздрогнула. Больше никаких кубиков, никаких странных монологов о симметрии. Она поправила волосы, расправила плечи и посмотрела на брата с такой пугающей ясностью в глазах, что мне на мгновение стало не по себе. Она говорила с ним о маршруте, о маме, о бензине. Это была нормальность, граничащая с безумием, словно она надела маску, которая вот-вот должна была треснуть по швам.

Мама вышла на крыльцо проводить их. Ее руки нервно перебирали подол халата. Когда Джим подошел, чтобы обнять ее на прощание, она вдруг зашлась тяжелым, лающим кашлем. Этот звук был неестественным, глубоким, словно ее легкие были полны не воздуха, а мелкого песка. Джим лишь нахмурился, не глядя на нее, его мысли были уже далеко — там, где ждала я. Он отстранился, коротко бросил обещание вернуться к вечеру и подтолкнул Джаннет к машине.

Я наблюдала за ними из окна. Пикап тронулся с места, оставляя после себя облако сизого дыма. Тишина в доме стала оглушительной. Я прижала ладони к оконному стеклу, чувствуя его холод, проникающий в кости. Где-то там, в лабиринте пригорода, они ехали ко мне. Или к тому, что от меня осталось.

Джим вцепился в руль так, что костяшки побелели. Дорогу перекрыла бесконечная лента автомобилей — люди бежали, увозя с собой свои жизни, свои страхи, свои телевизоры и кофейные аппараты. Стальные коробки на колесах создали непроходимый барьер, парализуя город.

Джим выругался — это был рык, полный бессильной ярости. Он резко крутанул руль, бросая машину на встречную полосу, игнорируя сигналы встречных водителей.

— Ты с ума сошел? Мы же разобьемся! — голос Джаннет прозвучал пронзительно, но в нем не было страха. Только холодное недоумение.

— Я рассчитывал срезать через трассу! Кто же знал, что весь город решит эвакуироваться одновременно? — Джим не отрывал взгляда от дороги, его лицо исказила гримаса злости.

Джаннет внезапно замолчала. Она смотрела не на дорогу, а на людей в соседних машинах. Их лица были масками ужаса, их движения — хаотичными попытками спастись от чего-то, что они видели за горизонтом. Она вгляделась в лица, в дым над городом, в то, как неестественно быстро пустеют целые кварталы. Ее губы едва заметно дрогнули.

— Джим, — прошептала она, и в этом шепоте не было ни капли прежнего безумия, только горькое осознание. — Ты хоть понимаешь, почему они бегут? Что еще успело произойти, пока мы спали? Город умирает, а ты пытаешься проехать сквозь его труп.

Она замолчала, глядя на бесконечный поток фар, отражающихся в лужах. Я чувствовала этот поток каждой клеткой своего тела, хотя находилась за мили от них. Что-то приближалось. Нечто огромное и черное, что вытесняло саму жизнь из этих улиц. Мои пальцы, до сих пор прижатые к стеклу, дрожали. Я знала: скоро они приедут, и эта иллюзия нормальности, в которой мы пытались спрятаться, рассыплется, как битое стекло под колесами их пикапа.

Глава 6

Элис.

Я сидела на диване, укутавшись в плед. Кот, которого я так и не удосужилась как-то назвать, устроился рядом — его мерное мурлыканье почти заглушало стук дождя за окном. Экран телефона по-прежнему светился мертвым, издевательски ровным светом. Ни единой палочки сети. Ни сообщений. Ни ответов на те вопросы, что рвали мой поврежденный разум на части. Только черное зеркало, в котором отражалось мое собственное, чужое мне лицо.

Я отложила бесполезный кусок пластика на стеклянный столик.

Мое тело было заковано в просторные серые спортивные штаны и безликую черную футболку, найденные в шкафу на втором этаже. Ткань пахла кондиционером с ароматом 'альпийских лугов' — химическим, плоским запахом искусственного уюта. Мои волосы были туго стянуты на затылке в высокий хвост. Я затянула резинку так сильно, что корни волос слегка саднило. Эта мелкая, контролируемая боль на коже головы помогала мне заземлиться. Она была противовесом той другой, глубокой и пульсирующей агонии, что тлела в зашитом правом бедре под слоем тугих бинтов.

Кот внезапно перестал мурлыкать.

Его уши нервно дернулись, локализуя источник звука, которого я еще не слышала. Он прыгнул с дивана, растворившись в серых тенях коридора. И только спустя секунду тишину дома разорвал стук.

Три тяжелых, ритмичных удара в парадную дверь.

Мой пульс не подскочил в панике. Вместо нормального человеческого испуга, в кровь хлынул ледяной, концентрированный адреналин. Мой мозг, словно идеальная боевая машина, мгновенно просчитал варианты. Расстояние до кухни, где в ящике лежал тяжелый топорик для мяса — восемь шагов. Слепая зона у окна — два шага вправо. Нога повреждена, скорость снижена на сорок процентов. Маневренность критически низкая.

Стук повторился. Более настойчивый, срывающейся на агрессию.

Я сбросила плед и медленно поднялась. Боль в бедре вспыхнула белым огнем, но я легко загнала ее в дальний угол сознания, хромя к двери. Мои босые ступни бесшумно ступали по паркету.

Я прильнула глазом к холодному стеклу дверного глазка.

Оптика исказила перспективу, но я сразу узнала широкие плечи. Джим. Он выглядел совершенно иначе, чем пару часов назад, когда спал на моем диване. Исчезли грязные, пропитанные моей кровью лохмотья костюма. Сейчас на нем была плотная непромокаемая куртка цвета хаки и чистые темные джинсы. Лицо умыто, ссадина на брови обработана и заклеена пластырем. От него веяло обманчивой, пугающей свежестью человека, который собрался на войну. Но он был не один.

Рядом с ним стояла девочка.

Я медленно повернула замок и приоткрыла дверь, оставив накинута́й страховочную цепочку. В щель тут же ворвался запах мокрого асфальта, сырой земли и нарастающей городской паники.

— Пусти, Элис. Быстро, — голос Джима был низким, рубленным, лишенным привычных успокаивающих интонаций.

Я сбросила цепочку и отступила на шаг, опираясь рукой о стену прихожей. Джим шагнул внутрь, втягивая за собой свою спутницу.

Мой взгляд мгновенно сфокусировался на ней.

Девочка-подросток. Худая, почти ломкая, словно птица, состоящая из острых углов и скрытого напряжения. Ее русые волосы были стянуты в тугую, математически идеальный пучок на макушке — ни одна прядь не выбивалась из этой строгой конструкции. На бледном, заостренном лице рассыпалась россыпь блеклых веснушек, но главной деталью были глаза. Огромные, неестественно спокойные.

Она не смотрела на меня, как смотрят обычные люди при знакомстве.

Она не искала зрительного контакта. Ее взгляд, цепкий и холодный, словно сканер, скользил по контурам моего тела. Она изучала угол, под которым я опиралась на стену. Затем ее глаза опустились на мое бедро, зафиксировав неестественное утолщение под спортивными штанами. На долю секунды ее зрачки микроскопически расширились — она вычисляла характер травмы.

В ней было что-то глубоко, пугающе неправильное. Что-то, что парадоксальным образом отзывалось в моей собственной, сломанной психике.

— Это Джаннет, — отрывисто бросил Джим, запирая за собой дверь на два оборота. — Моя сестра.

Джаннет. Та самая 'шизоидная инвазия', о которой он вскользь упоминал в такси.

— Асимметрия стойки, — вдруг произнесла Джаннет. Ее голос был ровным, лишенным эмоциональной окраски, как у диктора в терминале аэропорта. — Смещение центра тяжести на левую ногу составляет около семидесяти процентов. Потеря крови. Вероятность быстрого перемещения стремится к нулю. Она не сможет бежать, Джим.

Я прищурилась.

— Я умею компенсировать боль, Джаннет, — тихо ответила я.

Девочка впервые подняла глаза на мое лицо. В ее взгляде не было страха или смущения от того, что ее поймали на бестактности. Только чистый, не замутненный эмпатией анализ.

— Элис, нам нужно уходить, — Джим шагнул ко мне, разрушая наше странное визуальное противостояние. Его руки нервно сжимались и разжимались в кулаки. — Прямо сейчас.

— Ты должен был остаться с семьей, — я посмотрела на него снизу вверх, фиксируя учащенное дыхание и капельки пота на висках, несмотря на холод с улицы. — Ты забрал сестру. Где твоя мать?

— Дома. И мы едем за ней, — его голос сорвался на рык. Он с трудом сдерживал панику, бьющуюся под ребрами. — Ты не понимаешь, что там происходит, Элис. Трасса мертва. Люди бегут из города. Там пробка на десять миль, и все они стоят, как мишени в тире. Город закрывается. Если мы останемся здесь, нас сожрут живьем. Собирай вещи.

Я не сдвинулась с места.

Мой внутренний калькулятор мгновенно начал просчитывать вводные данные. Эвакуация. Закрытые трассы. Массовая паника. Черные грузовики, которые я видела в дыму, наверняка уже перекрыли периметр. Джим предлагает бежать.

— Мое присутствие снизит вашу мобильность, — холодно констатировала я. — У меня рваная рана бедра. Я буду обузой для вас и для твоей матери. Тебе логичнее оставить меня здесь.

— Я сказал, собирай вещи! — Джим внезапно подался вперед и тяжело, болезненно сжал мои плечи. Его пальцы впились в ткань футболки.

В его темных глазах плескалось отчаяние. Это был не приказ командира. Это была мольба человека, чей мир рушился, и который отчаянно пытался спасти хоть что-то, что имело для него смысл.

— Я не оставлю тебя здесь одну ждать этих ублюдков в черных машинах, — прошипел он мне в самое лицо. — Ты поедешь с нами. Даже если мне придется закинуть тебя на плечо и нести до самого пикапа. Ты меня поняла?

Я смотрела в его глаза, пытаясь найти в себе хоть каплю того страха, что испытывал он. Но там, где должна была быть паника, разливалось лишь ровное, холодное озеро расчетливости.

Мои шансы выжить в одиночку в пустом доме — пятнадцать процентов.

Мои шансы выжить в мобильной группе с транспортом — сорок два процента.

— Убери руки, — спокойно сказала я.

Джим словно очнулся. Он резко отдернул ладони, отступая на шаг, тяжело дыша через нос.

— Пять минут, — я повернулась к ним спиной и, хромая, направилась к лестнице. — Джаннет, в аптечке на кухне лежат остатки бинтов и антисептиков. Собери их в пакет.

Девочка ничего не ответила, но я услышала тихий шорох ее куртки — она послушно пошла выполнять команду, подчиняясь четкому, структурированному алгоритму действий.

Каждая ступенька наверх давалась с трудом.

Боль пульсировала в такт сердцу, но я блокировала ее, превращая в фоновый шум. В спальне я выдвинула нижний ящик комода. Там лежал плотный, матово-черный рюкзак из водонепроницаемой ткани. Мои руки двигались сами по себе, движимые мышечной памятью, природа которой оставалась для меня загадкой.

Что берет с собой человек, у которого нет прошлого?

Ни фотографий. Ни памятных безделушек. Ни дневников.

Я сгребла с полки две чистые футболки, пару плотных тактических носков, теплый флисовый свитер. Затем подошла к прикроватной тумбочке. Там, под стопкой глянцевого журналов, которые я никогда не читала, лежал тяжелый складной нож с прорезиненной рукоятью. Я взяла его. Металл привычно и комфортно лег в ладонь. Щелчок — и матовое лезвие хищно блеснуло в тусклом свете из окна. Я сложила нож и сунула его в карман спортивных штанов.

В ванной я сгребла с полки три упаковки мощных обезболивающих, купленных Джимом ночью, и бросила их в рюкзак на самый верх.

Застегнув молнию, я окинула взглядом спальню.

Серая, идеальная, пустая комната. Декорация. Моя жизнь здесь была лишь тонким слоем пыли на искусственной мебели. Мне не было жаль покидать это место. У меня не было к нему привязанности. Единственное, что связывало меня с реальностью — это пульсирующая пустота в голове и знание, что те, кто взорвал подстанцию, ищут именно меня.

Я спустилась вниз.

Джим мерил шагами гостиную, оставляя на идеальном паркете мокрые следы ботинок. Джаннет стояла у кухонного острова, сжимая в руках пластиковый пакет с медикаментами. Она неподвижно смотрела на стену, словно считая невидимые трещины на штукатурке.

— Я готова, — сухо произнесла я, закидывая рюкзак на левое, здоровое плечо.

Джим резко остановился. Он посмотрел на меня, на рюкзак, затем кивнул, и его челюсти упрямо сжались.

— Идем. Машина заведена.

Мы вышли на крыльцо. Ледяной дождь ударил по лицу мелкими, колючими иглами. Я достала ключи, вставила в замок и повернула два раза. Металлический щелчок прозвучал как выстрел в утренней тишине.

Дороги назад больше не было. Мой мозг уже выстроил прямую, математически выверенную траекторию от деревянного крыльца до припаркованной на подъездной дорожке машины.

Но стоило мне сделать первый шаг под ледяные иглы дождя, как внутренний механизм дал сбой. Какая-то крошечная, иррациональная заноза в моем поврежденном сознании заставила мышцы замереть.

Я остановилась.

Вода мгновенно начала пропитывать серую ткань футболки на плечах, обжигая кожу холодом, но я не обращала на это внимания. Моя рука, все еще сжимавшая связку ключей, медленно поднялась. Я снова вставила ключ в замочную скважину. Повернула назад. Тяжелая дверь со скрипом приоткрылась, впуская в дом сырой уличный воздух.

— Кис, — мой голос прозвучал сухо, надтреснуто.

Я не помнила его клички. Не была уверена, что она вообще у него существовала в моей стертой реальности.

Из густых теней прихожей неслышно вынырнул тощий серый силуэт. Кот остановился на границе света и тени, не решаясь переступить порог. Его желтые глаза-блюдца настороженно уставились на меня, отражая бледное утреннее небо.

Джим, успевший сделать несколько шагов к машине, обернулся. Его тяжелые ботинки захлюпали по мокрому асфальту. Он остановился у подножия крыльца, прищурившись сквозь пелену дождя. Вода стекала по его лицу, смывая остатки больничной бледности, оставляя лишь суровое, напряженное выражение.

— Ты хочешь взять его с собой? — в голосе Джима скользнуло искреннее удивление, смешанное с тщательно подавляемым раздражением. Время уходило, каждая секунда могла стоить нам жизни.

Я посмотрела на животное.

В моей голове не вспыхнуло ни единого теплого воспоминания. Никакой привязанности. Только голый, непреложный факт, выуженный из пустоты: мы были абсолютно чужими друг другу.

Я медленно покачала головой.

— Он не мой, — ровно ответила я, глядя, как кот нервно дергает ухом. — Это уличный кот. Он просто изредка заходил сюда. Исключительно за порцией молока. Ему здесь ничего не принадлежит, как и мне.

В этом был холодный, математический смысл. Взять его с собой означало обречь на верную гибель в хаосе рушащегося города. Здесь, среди привычных дворов и подворотен, его инстинкты давали ему куда больше шансов на выживание, чем соседство с теми, за кем охотятся черные грузовики.

— Уходи, — тихо сказала я коту. — Больше ничего нет.

Кот моргнул, словно поняв окончательность этого короткого приговора, вальяжно переступил порог и скрылся в неизвестном направлении.

Я захлопнула дверь. Снова повернула ключ на два оборота и бросила связку прямо в мокрые кусты гортензии у крыльца. Мне больше некуда было возвращаться.

— Идем, — бросила я Джиму, сжимая лямку рюкзака на здоровом плече.

Мы молча направились к машине.

Это был старый, громоздкий пикап 'Форд' выцветшего темно-синего цвета, покрытый сетью мелких царапин и вмятин. Машина выглядела тяжелой и неповоротливой, как выброшенный на берег кит. Мой взгляд, работающий в режиме непрерывного сканирования, мгновенно оценил кузов. Он был под завязку забит тяжелым бытовым хламом: свернутый в рулон грязный брезент, пара массивных пластиковых ящиков с инструментами, длинные деревянные доски и покрытое ржавчиной запасное колесо. Свободного места там не осталось совсем. В кузове нельзя было ни сесть, ни спрятаться — это был памятник чужой, нормальной жизни, которая закончилась прошлой ночью.

Джим открыл водительскую дверь. Джаннет, двигаясь с пугающей, механической плавностью, скользнула на заднее сиденье, тут же забившись в самый угол.

Я с трудом забралась на переднее пассажирское место.

Мое правое бедро взорвалось новой, ослепительной вспышкой боли, когда мне пришлось согнуть ногу, чтобы протиснуться в салон. Я стиснула зубы так сильно, что в ушах зазвенело, но не издала ни звука. Тяжелая дверь захлопнулась, отрезая нас от шума дождя.

Салон встретил меня густым, устоявшимся коктейлем запахов. Пахло промокшей насквозь ворсистой обивкой сидений, застарелым табаком и дешевым картонным ароматизатором с резким, химическим запахом хвои. Но под этой обыденной оболочкой уже начал проступать другой аромат — металлический запах крови, пота и густого, невыносимого человеческого страха, который мы принесли с собой.

Джим повернул ключ зажигания.

Двигатель взревел не сразу, кашлянув пару раз, прежде чем заурчать ровным, глубоким басом. 'Дворники' с натужным скрипом поползли по лобовому стеклу, размазывая потоки грязной воды.

Внутри повисла тяжелая, плотная атмосфера. Тишина давила на барабанные перепонки. Единственным звуком было мерное, неестественно ровное дыхание Джаннет за моей спиной. Она дышала так, словно отсчитывала секунды по внутреннему метроному. Раз. Два. Три.

Я вытащила из кармана телефон.

Нажала на кнопку блокировки. Черный экран остался мертвым. Ни сети, ни индикатора батареи. Кусок бесполезного пластика и стекла в мире, где информация стала главной валютой выживания. Мои пальцы сжались на гранях аппарата с такой силой, что побелели костяшки.

Эта тишина была неправильной. В ней не хватало одной критически важной переменной.

— Мы не знаем, где она, — мой голос разрезал полумрак салона, как скальпель.

Джим, уже переключивший передачу, замер. Его рука на мгновение повисла в воздухе.

— Элис...

— Мой телефон мертв, твой тоже, — я не смотрела на него, мой взгляд был прикован к струям дождя на стекле, искажающим очертания пригородных домов. — В госпитале ее не было. В такси мы обзвонили все доступные линии экстренной помощи. Сабрины нет в списках поступивших. Ее нет в списках погибших. Она не могла просто испариться.

Джим тяжело сглотнул. Я видела краем глаза, как его кадык дернулся. Он вцепился в руль обеими руками, побелев от напряжения.

— Взрыв был слишком сильным, Элис. Там была паника. Хаос. Люди бежали в разные стороны, — его голос звучал глухо, словно он пытался убедить не меня, а самого себя. — Может, ее подобрала другая скорая. Увезла в клинику на другом конце города. Может, она потеряла сознание, и у нее не было при себе документов, чтобы ее внесли в систему.

— Вероятность этого существует, — холодно констатировала я, хотя внутри меня, за глухой стеной подавленных эмоций, ворочалась ледяная, колючая тревога. Тревога не за себя, а за ту яркую девушку в желтом свитере, которая была моим единственным мостом к человечности. — Но отсутствие связи делает нас слепыми. Если мы не найдем ее сейчас, в условиях тотальной эвакуации, мы не найдем ее никогда. Город закроют.

В салоне снова воцарилось молчание. Только ритмичный скрип щеток по стеклу отмерял уходящее время.

— Мы поедem за мамой, — наконец произнес Джим, и в его тоне появилась стальная, непреклонная твердость. Он выстраивал маршрут, цепляясь за него, как за спасательный круг. — Это первоочередная цель. Дом в семи милях отсюда, если срезать через промышленные зоны. Мы забираем ее. Вывозим из этого сектора.

Он включил поворотник, и пикап медленно, с тяжелым хрустом шин по мокрому гравияу, выехал на пустую улицу.

— А потом? — спросила я, поворачивая к нему голову.

Джим посмотрел на меня. В полумраке салона глубокая ссадина на его брови казалась черной.

— А потом мы едем в Центральный Мемориальный госпиталь. Он находится на границе безопасной зоны. Туда свозили самых тяжелых после первых часов катастрофы, — он сделал паузу, его челюсти сжались. — Мы не уедем из города, пока не проверим бумажные списки. Мы найдем ее, Элис. Живой или мертвой, но мы найдем ее.

Я кивнула. Алгоритм был принят. Точка невозврата пройдена.

Пикап набрал скорость, разрезая фарами густую серую пелену дождя, увозя нас прочь от моего фиктивного дома в самое сердце надвигающегося безумия.

Глава 7

Тяжелый кузов пикапа вздрогнул в последний раз, когда Джим заглушил двигатель. Гул мотора оборвался, и салон мгновенно заполнился монотонным, убаюкивающим барабаном дождя по крыше.

Мы приехали.

Дом семьи Джима стоял в конце типовой пригородной улицы. Обычный двухэтажный коттедж, обшитый бежевым сайдингом, с аккуратно подстриженным газоном, который сейчас превращался в грязное болото под натиском ливня. Мой мозг, привыкший работать как безостановочный сканер, мгновенно выделил аномалии. Соседние дома, хоть и казались брошенными, сохраняли в себе остатки жизни — где-то на крыльце валялся забытый детский велосипед, где-то горел забытый свет в коридоре. Но этот дом был другим.

Он выглядел абсолютно мертвым.

Окна зияли черными, непроницаемыми провалами, словно глаза выпотрошенного животного. Задернутые плотные шторы не пропускали внутрь ни единого фотона уличного света. Тишина, исходящая от этого здания, была не просто отсутствием звука — она была плотной, осязаемой, давящей на барабанные перепонки.

Я потянулась к ручке двери и толкнула ее.

Резкий порыв ледяного ветра ударил в лицо, бросая за шиворот пригоршню дождевых капель. Я попыталась спустить ноги на асфальт, но правое бедро тут же взорвалось сверхновой звездой боли. Мышцы свело судорогой. Я невольно зашипела сквозь стиснутые зубы, хватаясь побелевшими пальцами за край сиденья. Моя травма была якорем, который насильно удерживал мое рассыпающееся сознание в физическом мире.

Сжав челюсти так, что во рту появился металлический привкус, я перенесла вес на здоровую ногу и тяжело вывалилась из кабины.

Джим уже стоял на подъездной дорожке. Он не обращал внимания на дождь, который мгновенно промочил его одежду, прилепив ткань к плечам. Его взгляд был прикован к темным окнам гостиной. В его позе читалось напряжение натянутой до предела струны.

Джаннет выбралась с заднего сиденья бесшумно, как тень. Она остановилась рядом с братом, ее руки безвольно повисли вдоль туловища. Внутренний метроном, по которому она дышала всю дорогу, сломался. Ее грудная клетка вздымалась хаотично, рвано.

— Мам? — голос Джима прозвучал глухо, почти жалко, когда мы подошли к крыльцу.

Он поднял кулак и трижды ударил в деревянную дверь.

Стук разнесся по пустой улице, отразившись от фасадов соседних домов. Ответа не было. Ни шагов за дверь, ни скрипа половиц. Только шум дождя и гулкое биение моей собственной

крови в висках. Моя интуиция, этот первобытный, еще не стертый амнезией инстинкт, вопила, требуя развернуться и бежать. За этой дверью не было ничего правильного.

— Наверное, спит. Или... или спустилась в подвал из-за сирен, — пробормотал Джим, лихорадочно роясь в карманах мокрых брюк.

Его пальцы дрожали, когда он достал связку ключей. Металл звякнул, и этот звук показался мне оглушительным. Джим вставил ключ в замочную скважину. Щелчок механизма прозвучал как выстрел стартового пистолета, запускающий отсчет до неизбежного.

Дверь медленно, со скрипом петель, отворилась внутрь.

Из зева прихожей на нас пахнуло устоявшимся, спертым воздухом. Под запахом старой мебели, какого-то освежителя и пыльного ковра скрывался другой аромат. Тонкий, едва уловимый, но от того не менее тошнотворный. Запах сырого мяса, оставленного на солнце. Запах сладковатой, разлагающейся меди. Мой желудок рефлекторно сжался.

— Мама? Это я, Джим! Мы приехали за тобой! — крикнул он, переступая порог.

Я последовала за ним, припадая на больную ногу. Джаннет зашла последней, инстинктивно прижимаясь к стене, словно пытаюсь стать невидимой. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Тяжелые портьеры полностью отсекали бледный дневной свет.

Джим пощелкал выключателем на стене.

— Электричества нет. Линию обрубило, — сухо констатировал он, доставая из кармана небольшой светодиодный фонарик.

Луч белого, хирургического света прорезал густой мрак прихожей, выхватывая из темноты элементы чужой нормальной жизни: стойку с зонтами, ряды обуви, зеркало в резной раме, семейные фотографии на стенах. На одной из них улыбалась женщина с мягкими чертами лица, обнимающая подростка-Джима.

Мы медленно продвигались вперед по коридору, ведущему в гостиную. Мои шаги были тяжелыми, я волочила ногу, стараясь не издавать лишнего шума. С каждым метром тот тошнотворный, сладковатый запах становился гуще. Он оседал на языке, проникал в поры.

Внезапно из глубины гостиной донесся звук.

Это не было похоже на человеческий голос. Это был влажный, булькающий хрип, словно кто-то пытался дышать через трубку, заполненную густой слизью и битым стеклом. Звук был ритмичным. Вдох — скрежет. Выдох — влажное хлопанье.

Джим замер, как вкопанный. Свет фонаря в его руке дрогнул, метнувшись по потолку.

— Мам? — его голос сорвался на отчаянный, ломкий шепот.

Он сделал еще один шаг, пересекая невидимую границу гостиной. Я остановилась в дверном проеме, вцепившись пальцами в деревянный косяк. Мое сердце билось где-то в горле.

Пустота в моей голове, обычно спасающая от паники, сейчас трещала по швам. Страх, древний и липкий, заползал под кожу.

Луч фонаря скользнул по дивану, по перевернутому журнальному столику, осколкам разбитой вазы на ковре, и, наконец, уперся в дальний угол комнаты, рядом с погасшим камином.

Там кто-то был.

Фигура сидела на корточках, отвернувшись к стене. Женщина в домашнем халате. Ее плечи судорожно вздрагивали в такт этому жуткому, булькающему хрипу.

— Мама... Господи, ты ранена? — Джим бросился к ней, забыв об осторожности.

— Стой! — мой крик разорвал тишину, но было слишком поздно.

Услышав шаги, фигура в углу замерла. Хрип оборвался. А затем женщина медленно, неестественно плавно повернула голову на свет.

Я почувствовала, как кровь отливает от лица, оставляя после себя лишь ледяной холод.

Это больше не была женщина с семейной фотографии. Ее кожа приобрела землисто-серый, пепельный оттенок, словно она была вылеплена из мертвой глины. Тонкие капилляры на щеках полопались, образовав уродливую черную паутину. Но хуже всего были глаза. Зрачки расширились настолько, что поглотили радужку целиком, превратив глаза в два бездонных, черных колодца, лишенных малейшего проблеска разума.

Изо рта, кривящегося в подобии звериного оскала, густыми, вязкими каплями стекала темная, почти черная жидкость. Она капала на воротник халата, оставляя жирные пятна.

Джаннет, стоявшая за моей спиной, издала тонкий, задушенный писк. Она застыла, ее глаза остекленели. Алгоритмы ее мира рухнули окончательно, рассыпались в пыль перед лицом этой первобытной мерзости.

Существо, которое когда-то было матерью Джима, издало низкий, гортанный рык. Звук завибрировал в груди. В следующее мгновение ее мышцы сжались, как стальные пружины, и она бросилась вперед.

Скорость была нечеловеческой. Невозможной для тела женщины ее возраста.

Она преодолела разделявшие их три метра за долю секунды. Джим даже не успел вскрикнуть. Он в панике отшатнулся назад, споткнулся о край перевернутого столика и с грохотом рухнул на спину. Фонарик вылетел из его руки, откатившись к стене, и теперь освещал сцену резким, боковым светом, отбрасывая на стены длинные, искаженные тени.

Зараженная нависла над ним. Ее костлявые пальцы, скрюченные, как птичьи когти, потянулись к лицу Джима. Темная слюна капнула с ее подбородка прямо на его тонкий свитер.

— Нет! Мама, нет! — Джим выставил руки перед собой, отчаянно пытаясь удержать бьющееся в конвульсиях тело.

И тут моя холодная, выверенная логика, мой защитный панцирь из амнезии и отстраненности, лопнул.

Я не была машиной. Я не была солдатом. Я была пустой, сломанной девчонкой, чья реальность только что окончательно провалилась в ад.

Я закричала.

Крик вырвался из самых недр легких, чистый, пронзительный вопль животного ужаса. Я начала пятиться назад, в коридор. Мое тело отказывалось слушаться. Здоровая нога скользила по паркету, больная волочилась следом, отзываясь вспышками агонии при каждом движении. Я споткнулась о тумбочку для обуви, больно ударившись бедром, и едва не упала.

Я хотела убежать. Раствориться. Исчезнуть из этого кошмара.

Мой крик и резкое движение в дверном проеме сработали как триггер.

Зараженная мгновенно замерла. Ее голова дернулась в мою сторону с отвратительным хрустом позвонков. Черные провалы глаз сфокусировались на мне. Она оставила Джима, отшвырнув его руки, как тряпичные, и, издав оглушительный визг, похожий на скрежет металла, сделала рывок ко мне.

Я вжалась спиной в стену. Воздух застрял в горле. Время замедлилось, превратившись в густую смолу. Я видела каждую деталь: перекошенный от ярости рот, капли темной крови, летящие с ее губ, грязные ногти, тянущиеся к моему горлу.

Я зажмурилась, готовясь к удару. К боли, которая разорвет мою плоть.

Но удара не последовало.

Раздался глухой, тошнотворный звук — влажный хруст проламываемой кости.

Тяжелое тело зараженной с размаху рухнуло к моим ногам, сбив меня на пол. Я больно ударилась затылком о стену, перед глазами вспыхнули белые искры.

Тяжело дыша, я приоткрыла глаза.

Женщина лежала на ковре лицом вниз. Ее тело дернулось пару раз в агонии и затихло.

Над ней, тяжело и хрипло втягивая воздух, стоял Джим. Его грудь ходила ходуном. В опущенной правой руке он судорожно сжимал массивную бронзовую статуэтку какой-то абстрактной птицы, которую, видимо, сорвал с каминной полки. Основание статуэтки было покрыто густой, черной кровью.

Джим медленно разжал пальцы.

Бронзовая птица с глухим стуком упала на пол, покотившись по паркету. Он посмотрел на свои дрожащие, испачканные руки, затем на неподвижное тело у моих ног. Его лицо исказила гримаса такой невыносимой, всепоглощающей боли, что мне захотелось отвернуться.

В гостиной повисла абсолютная, звенящая тишина, прерываемая лишь шумом дождя за наглухо закрытыми окнами.

Время потеряло свою линейность. Оно свернулось в тугую, липкую спираль, бесконечно прокручивая один и тот же момент.

Вдох — скрежет. Выдох — влажное хлопанье. Звон падающей бронзовой птицы.

Прошло несколько часов. Или вечность.

За окнами, наглухо закрытыми плотными порттьерами, продолжал монотонно шуметь дождь, смывая следы нормальной жизни с асфальта. Внутри гостиной царила гнетущая, токсичная тишина. Она оседала на мебели, на пыльном ковре, на моих плечах тяжелым свинцовым покрывалом. Воздух пропитался запахом медной крови и дешевого цветочного освежителя, создавая тошнотворный контраст, от которого у меня сводило желудок. Но я не двигалась.

Я сидела на полу, привалившись спиной к стене в коридоре, и смотрела в одну точку.

Мое сознание превратилось в разбитое зеркало. В каждом его осколке отражалось только одно: яркое, режущее глаз пятно. Желтый свитер. Запах цитрусов. Смех Сабрины, который оборвался так внезапно, словно кто-то выдернул шнур питания из самой реальности. Мой мозг, лишенный собственных воспоминаний, отчаянно цеплялся за нее, как за единственный якорь. Где она? Что с ней случилось в том пепельном хаосе? Эта мысль крутилась по кругу, вытесняя первобытный ужас от того, что лежало сейчас посреди гостиной.

Там, на полу, под наскоро наброшенным клетчатым пледом, лежало то, что еще недавно было матерью Джима и его сестры.

Джим сидел в кресле напротив, сгорбившись, спрятав лицо в испачканные запекшейся кровью ладони. Он не издавал ни звука. Его грудная клетка едва заметно поднималась и опускалась. Он казался пустой оболочкой, из которой выкачали всю волю к жизни.

Джаннет стояла у окна. Она нервно теребила край тяжелой шторы, чуть приоткрывая щель, чтобы впустить в комнату полоску тусклого, угасающего серого света. Ее профиль был острым, напряженным.

Тишина становилась невыносимой, пока, наконец, она не раскололась.

— Нам нужно уходить, — голос Джаннет прозвучал сухо, безжизненно, но в нем лязгнула сталь.

Джим не шелохнулся. Казалось, он даже не услышал ее.

— Джим, ты слышишь меня? — она отпустила штору и повернулась к брату. — Мы не можем здесь оставаться. Скоро стемнеет окончательно.

Он медленно поднял голову. В полумраке его глаза казались ввалившимися, обведенными глубокими черными тенями. Взгляд был пустым, как у человека, только что пережившего ампутацию без наркоза.

— Уходить? — его голос был хриплым, сорванным. — Куда, Джаннет? Куда нам уходить? Оставь меня в покое.

— Ты хочешь сидеть здесь и ждать? — Джаннет сделала шаг к центру комнаты, старательно обходя темную лужу, расплывшуюся из-под клетчатого пледа. — Ждать чего? Пока придет полиция? Или скорая помощь? Ты видел улицу? Никто не придет.

— Заткнись, — процедил он сквозь стиснутые зубы.

— Нет, это ты послушай! — ее голос сорвался, выдавая тщательно скрываемую панику. — Если мы останемся, мы трупы. Ты знаешь это не хуже меня. Ты видел, во что она превратилась! А если она не мертва? Если она... если это снова встанет? Или если за ней придут другие такие же?

Я смотрела на них сквозь невидимую толщу воды. Их слова долетали до меня приглушенными, лишенными эмоционального веса. Моя правая нога пульсировала горячей, тупой болью, напоминая о разорванной плоти, но я лишь плотнее прижала к груди здоровое колено.

Никаких скрытых резервов. Никаких вспышек украденной памяти. Ничего, что могло бы подсказать мне, что делать. Я была абсолютно пуста.

Джим резко вскочил на ноги. Кресло с жалобным скрипом отъехало назад.

— Это наша мать! — заорал он так громко, что зазвенели хрустальные подвески на люстре. — Это была наша мать, Джаннет! А ты говоришь о ней, как о куске мяса! Я убил ее! Я проломил ей голову!

— Это была не она! — Джаннет не отступила, хотя ее плечи судорожно дрогнули. По ее бледным щекам покатились слезы, но голос оставался жестким. — То, что бросилось на нас, было чудовищем. Мама погибла еще до того, как мы открыли дверь. Ты защищал нас. Ты защищал себя.

Джим тяжело задыхался, сжимая и разжимая кулаки. В его глазах полыхала дикая смесь вины, ярости и отрицания. Он метнулся к камину, схватил обеими руками массивную кочергу и с силой, от которой вздулись вены на шее, ударил ею по кирпичной кладке.

Сноп искр и кирпичная пыль брызнули в стороны.

Еще удар. И еще.

Он бил, пока его дыхание не превратилось в жалкие всхлипы, а кочерга не выскользнула из окровавленных пальцев. Джим привалился лбом к холодной полке камина, сотрясаясь в беззвучных рыданиях.

Джаннет стояла молча, давая ему выплеснуть эту разрушительную энергию.

— У отца был охотничий домик, — тихо произнесла она, когда звон металла растворился в шуме дождя. — На озере Блэк-Вудс. В штате Мэн. Ты помнишь? Он оставил ключи в сейфе в гараже.

Джим медленно повернул к ней голову.

— Мэн? Ты сумасшедшая. Это сотни миль отсюда.

— Это глушь, Джим. Там нет городов. Нет людей. Нет... этого, — она махнула рукой в сторону окна. — Трассы, скорее всего, забиты брошенными машинами, но мы можем поехать в объезд, по проселочным дорогам. Нам нужно убраться из зоны заражения. Здесь нас найдут либо эти твари, либо военные, которые рано или поздно начнут зачистку.

Слово 'зачистка' эхом отдалось в моем пустом разуме. Военные. Черные грузовики, о которых кричали мои стертые инстинкты. Джаннет была права. Интуиция подсказывала мне, что оставаться в городе равносильно самоубийству.

— Машина сожрет бак еще до пересечения границы штата, — Джим вытер лицо тыльной стороной ладони, размазывая кровь и грязь по щеке. Его голос стал тише, агрессия уступила место холодному отчаянию. Он начал сдаваться.

— В гараже есть четыре канистры с бензином. Отец всегда держал запас для генератора, — Джаннет говорила быстро, чувствуя, что пробила его броню. — Я соберу аптечку из ванной. Антибиотики, бинты, обезболивающее. Спустимся в подвал, возьмем консервы, воду, теплые вещи. У нас есть машина, Джим. У нас есть шанс.

Он посмотрел на покрытое пледом тело.

— Мы не можем ее просто так оставить.

— Можем, — безжалостно отрезала сестра. — Потому что мертвым уже все равно, а живым нужно выжить.

Долгая, мучительная пауза повисла в воздухе. Я слышала, как тикают настенные часы в прихожей. Каждая секунда неумолимо приближала наступление темноты.

Наконец, Джим коротко, обреченно кивнул.

— Собирай аптечку, — бросил он и, не глядя больше ни на сестру, ни на плед, тяжело зашагал в сторону двери, ведущей во внутренний гараж.

Закипела работа. Это была механическая, нервная суeta людей, пытающихся заглушить страх действием.

Я оставалась на месте, наблюдая за ними с отрешенностью призрака. Джаннет пронеслась мимо меня на второй этаж, откуда вскоре послышался звук открывающихся шкафчиков и звон

стеклянных флаконов. Из гаража доносился глухой стук передвигаемых пластиковых канистр и тяжелые шаги Джима.

Никто не просил моей помощи, и я была за это благодарна. Мое тело казалось чужим, сшитым из кусков боли и усталости.

Где-то там, за стенами этого мертвого дома, город погружался в безумие. А перед моими глазами все еще стояло лицо Сабрины. Если мы уедем в Мэн... если мы покинем этот штат, я никогда не узнаю, что с ней стало. Я предам единственного человека, который подарил мне иллюзию нормальности.

Но выбора у меня не было.

Я была балластом. Сломанной игрушкой с кровоточащей ногой и пустой головой, которую двое напуганных людей зачем-то тащили за собой.

Через двадцать минут в коридоре выросла гора вещей: три походные сумки, набитые едой и теплыми свитерами, объемная пластиковая аптечка и несколько тяжелых красных канистр.

Джаннет подошла ко мне. Ее глаза были красными, но движения оставались собранными.

— Ты сможешь идти? — спросила она, протягивая мне руку.

Я перевела взгляд с ее протянутой ладони на свое окровавленное бедро.

— Смогу, — мой голос прозвучал чуждо, как скрип несмазанной петли.

Я проигнорировала ее руку, оперлась ладонями о стену и, стиснув зубы до скрежета, заставила себя подняться. Нога тут же отозвалась ослепляющей вспышкой, от которой перед глазами поплыли черные точки, но я устояла. Я должна была стать тенью. Не доставлять проблем. Просто следовать за ними.

Джим распахнул входную дверь.

Дождь перешел в мелкую, холодную морось. Небо над пригородом окрасилось в глубокие, чернильно-синие тона надвигающихся сумерек. Очертания соседних домов размылись, превратившись в зловещие, безликие силуэты на фоне угасающего дня. В воздухе пахло мокрой землей, озоном и гарью, принесенной ветром со стороны разрушенного центра.

Мы покинули дом молча.

Джим забросил сумки и канистры в кузов 'Форда', накрыв их брезентом. Джаннет открыла для меня пассажирскую дверь, и я с трудом, подтягиваясь на руках, забралась в ледяной салон. Моя нога пульсировала, кровь снова начала сочиться сквозь наспех наложенную в больнице повязку, пропитывая ткань джинсов.

Двери захлопнулись, отрезая нас от внешнего мира.

Двигатель взревел, разорвав сумеречную тишину улицы. Джим включил фары. Два желтых луча прорезали густую пелену тумана, поднимающегося от мокрого асфальта, осветив путь в абсолютную неизвестность.

Пикап дернулся и тяжело покатился прочь от дома, оставляя позади мертвое тело на полу гостиной, разрушенную жизнь и город, который стремительно погружался во мрак. Я прислонилась лбом к холодному боковому стеклу, глядя, как мимо проносятся черные деревья.

Мы ехали в Мэн. В глушь.

А в моей голове, среди осколков памяти, продолжал пульсировать один и тот же вопрос. Если я не могу спасти ту, кого любила в этой новой жизни, зачем мне спасать себя?

Серый, болезненный свет медленно разъедал густую тьму за окантовкой лобового стекла. Рассвет пробивался сквозь бесконечный частокोल высоких сосен неохотно, словно этот древний лес давно забыл, что такое солнце, и теперь сопротивлялся любому источнику тепла. Старый пикап монотонно гудел, пожирая мили мокрого асфальта, но с каждым часом его утробный рык становился все более натужным, словно металл тоже устал бежать от надвигающегося конца света.

Вся минувшая ночь слилась для меня в единый, тягучий кошмар. Мое сознание, расколотое на острые фрагменты, то проваливалось в вязкое забытие, то выныривало обратно в реальность холодного салона. В те краткие моменты, когда воспаленный мозг отключался, я видела не сны, а обрывки стертого прошлого. Ослепительно белые коридоры. Запах антисептиков, такой густой, что оседал на языке горечью. Холодный металл операционного стола под голой спиной. И голос. Мужской, ровный, лишенный всякой эмпатии голос, диктующий цифры моей крови. 'Образец Э-07 стабилен. Продолжайте стимуляцию'. Я просыпалась с колотящимся сердцем, ожидая увидеть над собой бестеневые лампы хирургических светильников, но видела лишь мокрые от дождя стекла и сгорбленный силуэт Джима за рулем.

Он не спал всю ночь. Я наблюдала за ним в тусклом, зеленоватом свете приборной панели. Его профиль казался высеченным из серого камня: заострившиеся скулы, глубокие черные тени под глазами, плотно сжатые бескровные губы, на которых запеклась тонкая корка. Он гнал машину на север, в штат Мэн, цепляясь за идею спасения в охотничьем домике, как утопающий за обломок мачты. Но напряжение в его плечах выдавало правду — он сам не верил, что мы сможем убежать от того, что осталось лежать на ковре их гостиной.

Я пошевелилась, и тело тут же отозвалось хором разрозненных болей. Правое бедро горело огнем, повязка под джинсами затвердела от засохшей крови, стягивая кожу при каждом движении. Но сейчас эту агонию перекрывала другая, примитивная физиологическая потребность. Мой организм, несмотря на уникальные мутации, о которых я лишь смутно догадывалась, все еще функционировал по законам человеческой биологии. Давление внизу живота стало невыносимым.

— Останови машину, — мой голос прозвучал хрипло, разорвав ватную тишину салона, в которой мы ехали последние несколько часов.

Джим вздрогнул. Его руки, намертво вцепившиеся в руль, дернулись, и тяжелый пикап слегка вильнул на пустой, влажной от утренней росы трассе. Колеса захрустели по гравию обочины, прежде чем он успел выровнять ход.

— Что? — переспросил он, не отрывая остекленевшего, лихорадочного взгляда от серой ленты дороги. — Мы не можем останавливаться, Элис. До границы штата...

— Останови, — повторила я, и в моем тоне не было места для дискуссий. — Мой мочевой пузырь сейчас разорвется. Если ты не затормозишь, я испорчу тебе сиденье. Моему телу нужен перерыв.

Он тяжело, судорожно выдохнул, и в этом единственном звуке скопилась вся изматывающая усталость минувшей ночи. Скрипнув изношенными тормозными колодками, 'Форд' медленно съехал на обочину, сминая тяжелыми колесами высокую, мокрую от ночного дождя траву. Двигатель продолжал утробно урчать, вибрируя под капотом, словно измученное, загнанное животное.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Джим, поворачивая ко мне лицо.

В его покрасневших, воспаленных глазах плескалась паранойя. Он смотрел на меня пристально, почти с ужасом, словно искал в моих зрачках тот же бездонный, первобытный мрак, который поглотил его мать перед тем, как он проломил ей череп бронзовой статуэткой.

— Я жива, — сухо ответила я, выдерживая его взгляд и игнорируя пульсирующую боль в ноге. — Моя кровь справляется. А ты?

Он усмехнулся, но это была не улыбка, а болезненный мышечный спазм, исказивший его черты.

— Я держусь. Мы выберемся, Элис. Обязательно выберемся. Нам просто нужно добраться до безопасной зоны. Там будут военные, кордоны, врачи.

Я промолчала. Слово 'военные' вызвало в моей груди глухой, иррациональный спазм паники. Моя интуиция подсказывала, что люди в форме с оружием — это последнее, что нам стоит искать в этом рушащемся мире. Но лишать его этой иллюзии сейчас было бы жестоко.

Шорох на заднем сиденье заставил нас обоих напрячься. Джаннет заворочалась, откидывая скомканный клетчатый плед. Точно такой же плед лежал сейчас на полу их пригородного дома, пропитываясь медной кровью. От этого визуального сходства меня передернуло.

— Мы приехали? — ее голос прозвучал по-детски звонко, совершенно не соответствуя той стальной, безжалостной жесткости, с которой она командовала сборами вчера вечером.

— Нет, Джани. Техническая остановка, — Джим потер переносицу испачканными пальцами, пытаясь сбросить наваждение сна.

Джаннет села ровно. Ее взгляд заметался по деревьям за окном. Влажный лес, окутанный плотными клочьями ползучего тумана, казался не просто пейзажем. Он выглядел как живой, дышащий суперорганизм, наблюдающий за нами из каждой тени.

— Мне тоже нужно, — заявила она, ловко перебираясь к дверце и дергая за ручку. — Пойдем, Элис. Вон туда, за те большие валуны, поросшие мхом. Там глубоко. Там нас никто не увидит.

Она указала длинным бледным пальцем в самую чашу, где серый утренний свет растворялся в непроглядном мраке переплетенных ветвей и корней. У меня по позвоночнику пробежал ледяной холод. Мои стертые инстинкты, те самые механизмы выживания, вшитые в подкорку безмянными учеными, вопили об опасности. Этот лес не был безопасным укрытием. Он ощущался как гигантский капкан.

— Никаких валунов, — голос Джима лязгнул металлом. Усталость мгновенно сменилась звериной настороженностью. Он обернулся к сестре всем корпусом. — Вы не пойдете в лес.

— Джим, мы девочки. Нам нужно уединение, — Джаннет капризно надула губы. Эта жуткая, неуместная игра в нормальную капризную сестру снова заставила мое сердце сжаться от дурного предчувствия.

— Я сказал, вы не отойдете от машины дальше, чем на три метра! — рявкнул он, с силой ударив ладонью по пластику руля. — Вы делаете свои дела прямо за кузовом. Вместе. Я отойду вперед, к капоту, и отвернусь. Смотреть не буду. Но если вы услышите хотя бы хруст ветки — кричите. Ясно?

Джаннет недовольно цокнула языком, закатив глаза, но спорить не стала.

Я толкнула тяжелую металлическую дверцу. Ледяной утренний воздух мгновенно ворвался в салон, ударив в легкие запахом сырой земли, гниющей хвои и озона. Я стиснула челюсти так сильно, что занyli зубы, и, опираясь руками о дверцу, осторожно спустила больную ногу на влажную траву. Вспышка боли прошла нервную систему от бедра до самого затылка, перед глазами поплыли белые искры. Мир на секунду потерял четкость, превратившись в смазанное акварельное пятно.

Справившись с тошнотой, я захромала к заднему бамперу, цепляясь за холодный, покрытый каплями росы металл кузова.

Джаннет уже была там. Она присела на корточки у самого колеса, напевая себе под нос какой-то тихий, бессмысленный мотив. Ее тонкие пальцы нервно, ритмично выщипывали травинки из земли, укладывая их в идеально ровные параллельные линии. Снова эта одержимость симметрией. Я отвернулась от нее, сосредоточившись на собственных действиях и стараясь не смотреть вглубь леса.

Деревья стояли слишком плотно друг к другу. Их массивные стволы, поросшие черным влажным лишайником, напоминали колонны циклопического, давно разрушенного храма. Мне казалось, что между ними кто-то прячется. Невидимые наблюдатели с пустыми глазами, ждущие, когда мы сделаем неверный шаг. Паранойя Джима передалась мне, пустила глубокие корни в моем опустошенном разуме, питаясь моей амнезией.

Я быстро закончила, застегнула влажные джинсы, стараясь не тревожить кровавую корку на ране, и привалилась спиной к кузову.

Мы живы. Пока что мы дышим.

— Возвращайтесь в салон! — крикнул Джим со стороны лобового стекла. Его голос прозвучал неестественно глухо, мгновенно поглощенный влажным, тяжелым лесным воздухом. — Пора ехать. До границы штата всего тридцать миль! Там начинается цивилизация.

Тридцать миль. Это звучало как торжественное обещание спасения. Как финишная черта в нашей бесконечной гонке с надвигающимся безумием.

Я с трудом заставила себя оторваться от спасительного металла и захромала обратно к пассажирскому месту. Джаннет скользнула на заднее сиденье беззвучно, как тень, тут же снова укутавшись в свой плед по самый подбородок. Джим сел за руль последним, захлопнув дверь с такой силой, что машина содрогнулась. От него пахло застарелым холодным потом, мокрой шерстью и ментоловыми сигаретами.

Он вставил ключ в замок зажигания.

— Почти на месте, — выдохнул он, словно произнося молитву неизвестному богу этого леса, и повернул ключ.

Раздался сухой, короткий металлический щелчок.

И тишина.

Мое сердце пропустило удар, больно ударившись о ребра.

Джим нахмурился, его рука на руле нервно дернулась. Он вернул ключ в исходное положение и снова повернул его до упора.

Щелчок. Щелк. Щелк.

Двигатель не зарычал. Не кашлянул. Не издал ни единого звука попытки зацепиться за жизнь. Стартер лишь беспомощно и жалко плакал, словно сломанный часовой механизм детской игрушки. Тяжелый 'Форд' был абсолютно мертв.

В салоне повисла гнетущая, невыносимо плотная тишина. Она была гуще и страшнее тумана снаружи. Казалось, кто-то невидимый мгновенно откачал из кабины весь кислород, оставив нас барахтаться в вакууме концентрированного отчаяния.

— Нет... нет-нет-нет, только не сейчас, — забормотал Джим быстро, сбиваясь, лихорадочно дергая ключ туда-сюда в замке. — Давай же, тварь! Работай! Заводись, кусок дерьма!

Он начал бить открытыми ладонями по пластиковой обшивке руля. Удары гулко разносились по салону. Джим тяжело, рвано дышал. В его расширенных зрачках расцветала паника — дикая, неуправляемая, та самая, что лишает человека рассудка и превращает в загнанную в угол жертву. Он был на грани полного психологического краха.

Я сидела абсолютно неподвижно. Мой мозг, натренированный неизвестно какими жестокими экспериментами на мгновенный анализ угроз, холодно констатировал факты, отодвигая эмоции на задний план. Аккумулятор сел в ноль. Или сгорел генератор. В устройстве автомобилей я не разбиралась, но математика нашего выживания была предельно ясна и безжалостна: без защищенного транспорта мы трупы. Пешком, с моей кровоточащей ногой и истощенными телами, мы не пройдем и пары миль по этой глуши до того, как нас настигнут либо зараженные, либо те, кто ищет носителя Образца Э-07.

Вдруг с заднего сиденья донесся звук.

Это был смешок.

Тихий, сухой, шелестящий звук, совершенно немыслимый и неуместный в этой могильной тишине сломанной машины.

Я медленно, преодолевая сопротивление напряженных мышц шеи, обернулась.

Джаннет не смотрела ни на меня, ни на бьющегося в истерике брата. Она смотрела сквозь нас, прямо на глухую стену древнего леса за залитым конденсатом лобовым стеклом. Ее лицо радикально изменилось. Маска нормальности, которую она с таким трудом удерживала со вчерашнего вечера, треснула и осыпалась серым пеплом. Ее бледные губы растянулись в широкой, совершенно неестественной улыбке, обнажая ровный ряд зубов. Глаза были распахнуты так широко, что белки казались флуоресцирующими во мраке салона, а зрачки сузились до крошечных, безумных точек.

Она качалась из стороны в сторону, ритмично, в такт какому-то неслышному, известному только ей метроному.

— Джаннет? — позвала я, чувствуя, как тысячи ледяных игл впиваются в мою кожу.

Она даже не моргнула на звук моего голоса.

— Они не хотят, чтобы мы уезжали, — прошептала она. Ее голос больше не принадлежал молодой девушке. Он резонировал странными, потусторонними вибрациями, словно говорил кто-то другой, использующий ее голосовые связки как дешевый инструмент.

— Что ты несешь? Замолчи немедленно! — огрызнулся Джим, бросив издеваться над ключом зажигания и вцепившись грязными пальцами в свои волосы. — Мне нужно проверить клеммы. Может, просто отошли контакты от тряски. Да, точно, контакты...

— Ты разве не слышишь их, Элис? — Джаннет подалась вперед, проигнорировав брата.

Ее ледяные пальцы легли на мое больное плечо. Я вздрогнула от этого прикосновения, как от удара током, но не смогла отстраниться. Ее хватка была нечеловечески сильной, железной.

— Деревья, — продолжала она, и ее улыбка стала еще шире, еще безумнее, угрожая порвать кожу на щеках. — У них столько голосов. Они шепчут мне с самого рассвета. Они говорят, что под землей очень тепло. Они говорят, что маме там хорошо. Она обрела идеальную

форму. И нам тоже будет хорошо. Корни сплетутся с нашими венами. Симметрия восстановится в абсолютном покое. Лес... он голоден, Элис. У него вкус гнилой листвы и медной крови.

Она запрокинула голову и засмеялась. Громко, заливисто, и этот чистый звук сумасшествия разорвал мое и без того хрупкое сознание на кровоточащие куски.

Джим застыл с полуоткрытой дверцей. Он с неприкрытым ужасом смотрел на свою сестру, окончательно осознавая, что теряет ее прямо сейчас. Шифры ее разума переписал тот самый невидимый апокалипсис, от которого мы пытались сбежать на этой гряде металлолома. Шизоидная инвазия, дремавшая в ней, расцвела пышным, уродливым цветом на благодатной, удобренной животным страхом почве.

А я сидела зажата между сломанным, потерявшим надежду парнем, окончательно сошедшей с ума девушкой и мертвым куском металла, который должен был стать нашим ковчегом. Мое дыхание стало поверхностным и частым. Паника, которую я так методично подавляла в себе, выстраивая логические алгоритмы, теперь мощным потоком затапливала легкие, лишая возможности мыслить.

Лес снаружи, скрытый за пеленой тумана, казалось, сделал неслышный шаг навстречу нашей машине.

Я поняла с кристальной, беспощадной ясностью: наш единственный призрачный шанс на спасение только что превратился в железный гроб посреди бескрайней глухой чащи. И самое страшное крылось вовсе не в том, что у нас сломалась машина или закончилась еда.

Самое страшное было в том, что, глядя на эти гигантские, черные стволы сквозь мокрое стекло, я начинала верить, что Джаннет абсолютно права.

Глава 8

Спустя десять минут, металлический щелчок мертвого стартера все еще стоял в ушах, пульсируя в такт моему сбивчивому сердцебиению. Этот звук был страшнее любых сирен. Он был точкой невозврата. Линией, за которой заканчивалась иллюзия нашего спасения и начиналась голая, безжалостная физика выживания.

Джим с глухим рычанием ударил обеими руками по рулю, а затем рванул ручку дверцы. Он вывалился из кабины в сырой утренний туман, бормоча проклятия, которые сливались в неразборчивый, отчаянный скулеж.

Я осталась на сиденье, скованная нарастающим, липким предчувствием катастрофы.

Мой мозг, обычно работающий как холодный, отлаженный процессор, сейчас давал сбои. Фрагменты стертой памяти вспыхивали за веками, стоило мне лишь моргнуть. Белые стены. Запах озона. Металлические фиксаторы на запястьях. Эти образы пытались прорваться сквозь плотную пелену амнезии, спровоцированные стрессом, но я загоняла их обратно. Мне нужно было оставаться здесь. В этом лесу. В этой ломающейся реальности.

Сквозь забрызганное грязью и конденсатом лобовое стекло я видела, как Джим с остервенением рвет на себя рычаг. Тяжелая крышка капота со скрежетом подпрыгнула, обнажив ржавые, покрытые черной масляной гарью внутренности старого 'Форда'. Джим нырнул туда, словно пытался голыми руками реанимировать остановившееся сердце металлического зверя. Его движения были дергаными, хаотичными. Он хватал какие-то провода, дергал клеммы, отчаянно бил кулаком по пластиковому кожуху аккумулятора.

Каждый его удар тупой болью отдавался в моих висках.

— Заводись, кусок дерьма! Давай же! — доносился его сорванный крик сквозь приоткрытое окно.

Я видела, как он в слепой ярости сдирает кожу на костяшках пальцев о железные детали. Темная кровь смешивалась с моторным маслом, капая на раскаленный коллектор и испаряясь с тошнотворным запахом гари. Он уничтожал себя, пытаясь исправить то, что исправить был не в силах.

В этот момент задняя дверца тихо скрипнула.

Джаннет выскользнула из салона. Она оставила свой спасительный клетчатый плед на сиденье, оставшись в одной тонкой хлопковой рубашке, которая мгновенно намокла от густой, висящей в воздухе мороси. Но холод, казалось, ее совершенно не беспокоил.

Она не подошла к брату. Она вообще не смотрела на машину. Медленными, почти сомнамбулическими шагами Джаннет направилась к самому центру пустой, блестящей от влаги трассы.

— Джаннет? — хрипло позвала я, переваливаясь через подлокотник.

Моя больная нога вспыхнула агонией, напоминая о разорванной плоти, но я проигнорировала ее, наполовину высунувшись из кабины. Воздух снаружи был тяжелым, он пах прелой хвоей и древней, нетронутой землей.

Она не ответила.

Дойдя до двойной сплошной линии, разделяющей дорогу, Джаннет остановилась. Она подняла руки, раскинув их в стороны, словно ловила кончиками пальцев невидимые нити тумана. А затем она начала кружиться. Медленно. Ритмично.

Это был жуткий, гипнотический вальс с пустотой.

Ее мокрые волосы хлестали по бледным щекам. На губах играла та самая неестественная, приклеенная улыбка, от которой у меня по спине ползли ледяные мурашки. Она кружилась на асфальте, окруженная стеной циклопических черных сосен, которые смыкались над нами, превращая трассу в глубокий бетонный колодец.

Реальность вокруг нас начала истончаться. Я чувствовала это кожей. Этот лес не был просто декорацией — он был живым, голодным организмом, и танец Джаннет был приглашением.

Я стиснула зубы до скрежета, заставила себя открыть пассажирскую дверь и вывалилась на обочину, чудом удержавшись на ногах, вцепившись побелевшими пальцами в боковое зеркало.

— Джаннет, вернись в машину! — крикнула я. Мой голос дрогнул, выдав с головой ту панику, которую я так отчаянно пыталась скрыть под маской холодного расчета.

Она сделала еще один оборот, легко переступая босыми ногами по холодному асфальту.

— Разве ты не видишь, Элис? — пропела она, не глядя на меня. Ее взгляд был устремлен куда-то высоко вверх, в сплетение серых ветвей. — Спираль сужается. Все точки стремятся к центру. Это идеальная геометрия. Нам не нужно никуда ехать.

Ублюдок-страх окончательно парализовал мои легкие. Мы были уязвимы. Мы были абсолютно, фатально беспомощны. Трое сломанных людей в эпицентре нигде. Без связи. Без оружия. Без транспорта. Если из этой чащи сейчас выйдет хотя бы один зараженный — хотя бы одна тварь, подобная той, что убила их мать, — мы станем кормом.

Громкий лязг металла разорвал лесную тишину.

Джим с силой захлопнул капот. Звук эхом отразился от деревьев, спугнув стайку невидимых птиц. Он обошел машину, тяжело дыша. Его руки по локоть были в грязи и крови, на щеке размазано черное масляное пятно. Взгляд, которым он окинул дорогу, был взглядом загнанного в угол волка.

Он увидел сестру.

— Какого черта ты делаешь?! — заорал он, срывая голос.

Джим бросился к ней, сокращая расстояние гигантскими шагами. Его кулаки были сжаты с такой силой, что костяшки побелели под слоем свежей крови.

Джаннет даже не дрогнула. Она продолжала свой жуткий танец, пока брат не схватил ее за плечо и не рванул на себя с такой яростью, что она едва не упала.

— Прекрати этот цирк! — рявкнул он прямо ей в лицо. Брызги слюны полетели на ее лоб. — Ты совсем спятила?! Машина сдохла! Мы застряли посреди гребаного леса, а ты водишь хороводы на дороге?!

Она медленно перевела на него свои огромные, пустые глаза. Улыбка не сошла с ее губ, она лишь стала жестче, превратившись в посмертную маску.

— Металл всегда умирает, Джимми, — произнесла она тихим, ровным голосом, который резко контрастировал с его истерикой. — А корни живут вечно. Они уже близко. Я слышу, как они ползут под асфальтом.

— Заткнись! Заткнись немедленно! — Джим встряхнул ее, его глаза дико вращались. — Ты поедешь со мной! Мы пойдем пешком! Я не позволю тебе сдохнуть здесь, слышишь?!

— Джим, отпусти ее! — я попыталась сделать шаг вперед, но боль в бедре заставила меня согнуться пополам. Я хрипло втянула воздух сквозь стиснутые зубы. — Ты делаешь ей больно! Ей нужен покой, у нее шок!

Он резко обернулся ко мне, не выпуская плечо сестры.

— Шок?! Она сумасшедшая, Элис! Она окончательно свихнулась! — его голос сорвался на визг. — Я убил собственную мать, чтобы мы могли выбраться, а она... она смеется!

— Я не смеюсь, — тихо возразила Джаннет. Ее рука плавно, как змея, поднялась и коснулась груди брата, оставляя на его мокрой куртке влажный след. — Я просто радуюсь. Тому, что неизбежное всегда наступает. Вы можете бежать, можете ломать пальцы о мертвые двигатели, но они все равно нас заберут. Те, кто ищет.

Мое сердце остановилось.

Те, кто ищет. Мой разум, лишенный воспоминаний, взорвался красными сигналами тревоги. Она говорила о зараженных? Или о военных? Об отряде, который шел по следу моей проклятой крови?

Джим тяжело задышал, отступая от нее на шаг, словно обжегшись.

— Ты... ты конченная, — прошептал он, и в этом шепоте было столько концентрированного отчаяния, что мне захотелось закрыть уши.

Он отвернулся от нее и посмотрел на меня. В его взгляде больше не было ни злости, ни желания бороться. Там была только пустота. Капитуляция. Он понял то же, что и я: дальше пути нет.

Тишина накрыла нас тяжелым, свинцовым куполом. Только шелест мелкого дождя по асфальту и наше прерывистое, рваное дыхание.

А затем пространство завибрировало.

Это началось не со звука. Это началось с дрожи земли. Мои подошвы почувствовали мелкую, почти неуловимую вибрацию, идущую откуда-то с юга, из-за поворота трассы, скрытого стеной сосен и туманом.

Спор оборвался. Джим замер с полукруглым ртом.

Дрожь усилилась, превращаясь в низкочастотный гул. Он нарастал с каждой секундой, становясь плотнее, агрессивнее. Это не был шум ветра или треск падающего дерева. Это был механический рев мощного, форсированного двигателя, разрывающий первобытную тишину леса в клочья. Тяжелые шины рвали мокрый асфальт, приближаясь к нам с неотвратимостью летящего снаряда.

Кто-то ехал. И ехал очень быстро.

Время замедлилось, превратившись в густую, вязкую смолу.

Мы трое, стоящие посреди пустой трассы рядом с мертвым пикапом, синхронно повернули головы в сторону нарастающего рева.

Я смотрела в серую пелену тумана, чувствуя, как мои ногти впиваются в ладони до крови. Мое лицо исказилось от явного недоверия, граничащего с животным ужасом. Моя интуиция орала, что это не спасение. Это охотники.

Джаннет стояла в паре метров от меня, вытянувшись в струну. На ее бледном, мокром лице расцвела широкая, абсолютно полоумная улыбка. Ее глаза сияли первобытным восторгом человека, который наконец-то дождался своих палачей.

А Джим... Джим просто стоял у открытой двери машины. Его плечи были напряжены как натянутые тросы, руки безвольно повисли вдоль тела. Он смотрел в пустоту дороги, высоко выгнув правую бровь в мрачном, фаталистическом ожидании конца.

Рев двигателя перестал быть просто звуком. Он превратился в физическую массу, в агрессивную, тяжелую вибрацию, которая проникала сквозь подошвы ботинок, поднималась по костям и заставляла мелко дрожать зубы. Из свинцовой пелены лесного тумана, словно мифическое бронированное чудовище, вынырнули два ослепительно белых, хищных глаза.

Фары массивного военного 'Хаммера' безжалостно разрезали сумерки, намертво выжигая на моей сетчатке контуры падающих дождевых капель. Внедорожник пронесся мимо нас, разорвав плотный воздух, обдав мои ноги ледяным веером грязной воды с обочины и резким, терпким запахом жженой резины.

Мое сердце, еще секунду назад отчаянно бившееся где-то в горле, рухнуло вниз. Они не остановились. Они промчались мимо, как мимо брошенного придорожного мусора.

Но затем раздался пронзительный, режущий уши свист тормозов.

Тяжелая машина с истошным визгом проехала широкими шинами по мокрому асфальту, остановившись в паре десятков метров впереди. Визг мгновенно сменился низким, угрожающим гулом форсированной задней передачи. 'Хаммер' начал сдавать назад, плавно и неотвратно. Его красные габаритные огни зловеще кровоточили в тумане, пока бронированный борт не поравнялся с нашим мертвым пикапом.

Двигатель продолжал утробно рычать.

Тонированное стекло задней двери не опустилось. Дверь просто распахнулась настежь, грубо оттолкнув сырой лесной воздух. На мокрый асфальт тяжело ступил ботинок. Затем из непроглядного полумрака салона появилась фигура.

Мой мозг, и без того работающий на абсолютном пределе из-за постоянных сбоев памяти и животного страха, на мгновение просто отказался обрабатывать визуальную информацию. Я моргнула раз, другой, до боли сжимая веки, отчаянно прогоняя наваждение.

Этого не могло быть. Это должна была быть галлюцинация. Жестокая иллюзия, спровоцированная болью, потерей крови и тем прогрессирующим безумием, что витало над этой проклятой дорогой. Очередной битый сектор моего стертого сознания, выдавленный на поверхность паникой.

Яркое пятно. Желтый вязаный свитер, заляпанный внизу какими-то темными пятнами.

Запах цитрусов. Сладкий, до боли знакомый аромат, который каким-то немислимым образом пробился сквозь вонь машинного масла, озона и гниющей хвои.

Сабрина.

— Боже мой... — выдохнул Джим где-то на периферии моего слуха. Его голос был абсолютно пустым, лишенным любых интонаций, словно у человека, только что увидевшего восставшего мертвеца.

Я не помню, как именно сделала первый шаг.

Больная нога предательски подогнулась, прострелив разорванное бедро белым, ослепляющим пламенем агонии. Я пошатнулась, едва не рухнув на мокрый асфальт, но каким-то чудом устояла. Я ковыляла к ней, нелепо закидывая ногу, цепляясь онемевшими пальцами за ледяной воздух, словно он мог меня удержать.

Она бросилась мне навстречу.

Ее руки обхватили мои плечи с отчаянной, судорожной силой. Теплое, живое дыхание коснулось моей ледяной щеки. Я уткнулась лицом в изгиб ее шеи, жадно, до головокружения вдыхая этот невозможный, но абсолютно реальный запах. Она была настоящей. Не фантомом из осколков моей расколотой памяти. Не призраком из пепельного хаоса рухнувшего города. Под тонким трикотажем ее свитера отчаянно билось сердце.

— Сабрина... Как? — мой голос походил на хруст битого стекла под армейскими сапогами. — Я думала, ты... там, в городе...

— Тише, Эл, тише. Я жива. Я здесь, — она гладила меня по спутанным, мокрым волосам, но ее движения были лихорадочными, дергаными, словно она пыталась успеть сделать это до того, как нас прервут.

Я с усилием отстранилась, заглядывая прямо в ее лицо.

В ее глазах не было той прежней, спасительной беззаботности, за которую я так отчаянно цеплялась в своей новой, пустой жизни. Там плескалась тревога — густая, темная и липкая, как деготь. Ее взгляд ни на секунду не задерживался на мне, он постоянно смещался, скользя по лесу, по броневику, по застывшему Джиму.

— Что ты здесь делаешь? — я вцепилась в ее предплечья, жестко требуя вернуть мне логику этого рассыпающегося мира. — Откуда у тебя эта машина? И кто эти...

— Не сейчас, Элис, — она быстро перебила меня, уклоняясь от моего прямого взгляда. Ее голос предательски дрогнул. — Я все объясню. Клянусь тебе, я все расскажу, от начала и до конца. Но не здесь. Нам нужно убираться, пока нас не нагнали.

Хлопок двух открывающихся передних дверей прозвучал абсолютно синхронно, напоминая сухой, слаженный ружейный залп.

Из 'Хаммера' вышли двое мужчин.

Они двигались с той пугающей, выверенной до миллиметра грацией хищников, которая намертво вшивается в подкорку только после долгих лет войны. Никакой суеты. Никаких лишних жестов.

Первый обогнул массивный капот легкой, пружинящей походкой. Подтянутый, жилистый, затянутый в черную тактическую разгрузку, на которой отсутствовали любые опознавательные знаки или шевроны. Его темные волосы блестели от оседающей мороси, а пронзительные, цепкие глаза уже методично сканировали пространство: нас, застывшего у открытого капота Джима, и черную, непроглядную кромку леса. Он держал короткоствольную штурмовую винтовку так естественно, словно она была хромированным продолжением его руки.

А затем из-за водительской двери появился второй.

Он был заметно выше ростом, гораздо шире в плечах, и само пространство вокруг него, казалось, мгновенно уплотнилось, подчиняясь его мрачной гравитации. Его глаза, черные и поглощающие свет, как колотый обсидиан, безошибочно выхватили меня из группы. В этом тяжелом, властном взгляде не было ни капли сочувствия, удивления или человеческого тепла. Там был только холодный, безжалостный расчет.

Он смотрел на меня не как на раненую, напуганную девушку. Он смотрел на меня как на утерянный инвентарь. Как на контейнер, внутри которого течет та самая уникальная 'золотая кровь', из-за которой мой мир превратился в пепел.

И от этого взгляда в моей голове сработал безжалостный триггер.

Вспышка.

Ослепительно белые стены лаборатории, не имеющие углов. Густой, тошнотворный запах медицинского антисептика. Металлический лязг тяжелых фиксаторов, смыкающихся на моих запястьях, сдирающих кожу до крови. И голос. Тот самый ровный, лишенный эмпатии голос из моих стертых кошмаров, бесстрастно диктующий приговор. 'Образец Э-07 стабилен. Приступить к извлечению'.

Я судорожно втянула воздух, качнувшись назад, и сильнее вцепилась в локоть Сабрины, чтобы не рухнуть на мокрый асфальт. Мои легкие горели огнем.

— Время вышло, — голос мужчины с обсидиановыми глазами был глубоким, ровным, без единой эмоциональной модуляции, но он без труда перекрыл и шум дождя, и рокот мощного двигателя. — Немедленная погрузка. В машине семь мест, поместятся все.

Он не предлагал спасение. Он отдавал приказ, не терпящий ни секунды промедления или обсуждения.

— Тейт, контроль периметра на время посадки, — бросил он первому мужчине, даже не повернув головы в его сторону.

— Есть, сэр! — ответил тот с короткой, рубленой армейской четкостью.

Тейт мгновенно сместился к обочине, плавно вскидывая ствол винтовки и беря на мушку слепую зону леса — ту самую чащу, откуда несколько минут назад неслись безумные шепоты, сводящие с ума Джаннет.

Я почувствовала, как внутри меня поднимается горячая волна первобытного сопротивления. Мои инстинкты орала, требуя бежать от этих людей в черном без оглядки.

— Нет, — прохрипела я, делая неуверенный шаг назад и пытаясь утянуть подругу за собой. — Я никуда с ними не поеду.

— Элис, пожалуйста... — зашептала Сабрина. В ее голосе зазвучала откровенная, неприкрытая паника. — Не делай этого сейчас.

— Кто они такие?! — мой крик сорвался на высокой ноте, прорезав густую тишину над дорогой. — Я не сяду в одну машину к незнакомцам с оружием!

Тейт, не отрывая прицела от черных стволов сосен, издал короткий, издевательский смешок. Уголок его губ иронично дернулся вверх.

— Какая упрямая издержка производства, — бросил он сквозь зубы, словно оценивая не живого человека, а сломанную, бракованную деталь.

Краем глаза я уловила резкое движение. Джим окончательно вышел из оцепенения.

Он напрягся, как перетянутая гитарная струна, готовая лопнуть от малейшего касания. Его руки, до локтей измазанные в черном мазуте и засохшей крови матери, сжались в кулаки. Он шагнул вперед, инстинктивно смещаясь так, чтобы закрыть собой сестру и встать между нами и военными. Его подбородок мелко дрожал, но поза была однозначной — он был готов защищаться. Глупый, сломанный, отчаянный парень, решивший броситься с голыми руками на профессиональных машин для убийств.

А Джаннет...

Она замерла в стороне, у самой разделительной полосы. Тонкая мокрая рубашка намертво облепила ее острые плечи, но она, казалось, не чувствовала ледяного холода. Она смотрела прямо сквозь высоких вооруженных мужчин, сквозь бронированный 'Хаммер', в черную, голодную глубину чаши. Ее безумная, пугающе отстраненная улыбка даже не дрогнула при их появлении. Оружие, крики, приказы — все это не имело для нее никакого значения. Она была уже не здесь. Разумом она уже давно отдалась лесу.

Мужчина, отдававший приказы, сделал шаг вперед.

Его движение было обманчиво медленным, но в нем крылась чудовищная, подавляющая сила. Он подошел ближе, и я физически почувствовала, как невидимая свинцовая плита ложится мне на грудь. Воздух вокруг него стал вязким, токсичным. Мои легкие отказались втягивать кислород.

Он остановился в метре от меня.

Его взгляд давил. Он проникал под кожу, сканировал каждый оголенный нерв, каждую трещину в моем истерзанном разуме, вынуждая подчиниться на животном, клеточном уровне. Он ломал мою волю, даже не прикасаясь ко мне. В его присутствии моя уникальная кровь казалась не даром, а клеймом рабыни.

— Аарон, пожалуйста, не надо так, — Сабрина поспешно шагнула между нами, выставив ладони вперед в отчаянном примирительном жесте.

Обстановка накалилась до абсолютного предела. Пространство между нами гудело от напряжения, как перегруженная высоковольтная линия. Одно неверное слово, одно резкое движение — и на этот мокрый асфальт прольется новая кровь.

Сабрина повернулась ко мне. Ее глаза умоляли.

— Эл, прошу тебя. Ради меня, — ее голос срывался на плач. — Залезай в машину. Я все объясню, как только мы отъедем в безопасную зону. Обещаю. Клянусь своей жизнью. Но если мы останемся тут еще на минуту, мы все умрем. И они, — она кивнула на сжавшего кулаки Джима и улыбающуюся Джаннет, — умрут вместе с нами.

Я перевела взгляд с бледного лица подруги на человека с обсидиановыми глазами.

Он не мигал. Он просто ждал, пока я осознаю свою полную беспомощность.

Позади нас, в глубине леса, глухо и раскатисто захрустели толстые ветки. Звук был слишком тяжелым. Слишком ритмичным для животного.

Моя свобода воли снова оказалась лишь горькой иллюзией.

Хруст тяжелых веток, донесшийся из непроглядной лесной чащи, не оставил сомнений — там, в густом тумане, двигалось нечто массивное. Нечто голодное и неотвратимое. Но, парадоксальным образом, этот звук не заставил меня броситься к бронированной машине. Наоборот, он лишь обострил мой первобытный инстинкт выживания, который сейчас отчаянно сигнализировал: военные представляют куда большую угрозу, чем любые твари, скрывающиеся в лесу.

Я попятилась. Больная нога подогнулась, прострелив бедро раскаленной иглой боли, но я устояла, опираясь о влажный капот мертвого пикапа.

— Я никуда с вами не поеду, — мой голос дрожал, но в нем прорезалась сталь абсолютного, загнанного в угол отчаяния. — Я лучше останусь здесь. Лучше сдохну в этом лесу, чем снова стану вашей гребаной лабораторной крысой. Убирайтесь к черту!

Аарон даже не моргнул. Его лицо, высеченное из холодного гранита, осталось пугающе бесстрастным. В его черных, поглощающих свет глазах не дрогнула ни единая эмоция: ни злость, ни раздражение, ни тем более сочувствие. Он смотрел на меня не как на человека, делающего выбор, а как на сбившуюся программу, которую нужно принудительно перезагрузить.

— У нас нет времени на твои истерики, — ровно произнес он. Его голос не повысился ни на полтона, но от этой монотонной, подавляющей уверенности у меня перехватило дыхание.

Он преодолел разделяющее нас расстояние в два стремительных, размытых шага. Я инстинктивно вскинула руки, пытаясь оттолкнуть его, защититься, вцепиться ногтями в его лицо, но это было все равно что пытаться остановить голыми руками несущийся на полном ходу локомотив.

Его ладони, затянутые в жесткую кевларовую ткань тактических перчаток, сомкнулись на моих плечах. Никаких уговоров. Никакой жалости.

Резкий рывок. Гравитация исчезла.

В следующую секунду мир перевернулся. Аарон одним слитным, чудовищно мощным движением оторвал меня от земли и закинул на свое широкое плечо. Мой живот с силой ударился о жесткие пластины его бронежилета, выбив из легких остатки кислорода.

И тогда это произошло.

Плотная корка запекшейся крови и неровные хирургические стежки, стягивающие разорванную плоть на моем бедре, не выдержали резкого растяжения кожи. Они лопнули. Звук этого разрыва — влажный, тошнотворный треск рвущихся нитей и человеческого мяса — отдался эхом прямо в моем черепе.

Агония разорвала мой позвоночник на части.

Это был не просто болевой импульс. Это был ядерный взрыв внутри моей нервной системы, выжегший все мысли, страхи и логические алгоритмы. Ослепительно белая вспышка перед глазами стерла очертания деревьев и серых туч.

Я закричала.

Протяжно. Пронзительно. По-звериному. Этот крик распорол плотный, влажный туман, перекрыв собой и тяжелое урчание двигателя 'Хаммера', и зловещие шорохи в лесной чаще. Я забилась на его плече, как пойманная в капкан лисица, отчаянно колотя кулаками по его спине, но он даже не замедлил шаг.

— Отпусти ее, ублюдок! — истошный, сорванный вопль Джима ударил по барабанным перепонкам.

Его рассудок, и без того висящий на тончайшем волоске после убийства матери, окончательно рухнул в бездну. Грязный, перепачканный в машинном масле и засохшей крови, он сорвался с места. В его расширенных глазах горела абсолютно безумная, обреченная ярость человека, которому больше нечего терять. Он подбежал к Аарону со спины, занося кулак для удара в отчаянной, суицидальной попытке защитить меня.

Он не сделал и двух шагов.

Тейт материализовался на его пути из пустоты, словно телепортировался. Никакой боевой стойки, никакого замаха. Короткое, неуловимое для глаза движение — и запястье Джима оказалось намертво зажато в стальном захвате военного.

Тейт с хрустом выкрутил руку щуплого парня под неестественным углом, одновременно ударив его тяжелым армейским ботинком под колено. Джим с сдавленным хрипом рухнул на мокрый асфальт, лицом прямо в грязную лужу.

— Тише, щенок, — процедил Тейт. Его голос сочился ядовитой, профессиональной насмешкой.

Он плавно опустился на одно колено, прижимая Джима к земле, и приставил короткий ствол штурмовой винтовки прямо к виску парня. Металл глухо звякнул о кость.

— Еще одно дерганое движение, и я размажу твои инфантильные мозги по этой трассе, — холодно посоветовал Тейт, не отрывая взгляда от леса. — Нам приказали забрать девчонку. О том, что я должен нянчиться с ее фан-клубом, в инструкции не было ни слова. Не лезь, если хочешь дожить до обеда. Усек?

Джим захрипел, выплевывая дождевую воду пополам с кровью из разбитой губы, но не смог даже пошевелиться. Его героизм разбился о безжалостную военную машину.

— Больно... Боже, как же больно, — бессвязно бормотала я.

Мое сознание мерцало, готовое в любую секунду отключиться. Я болталась на плече Аарона, наполовину провалившись в спасительное, вязкое забытие. Мои пальцы судорожно

скребли кевлар его куртки, а из разорванного бедра толчками, в такт бешеному сердцебиению, хлестала кровь. Та самая 'золотая кровь', Образец Э-07.

Аарон внезапно замер на полпути к открытой двери броневика.

Его чеканный шаг сбилсЯ. Я почувствовала, как напряглись литые мышцы под его формой. Он ощутил это. Горячая, липкая жидкость стремительно пропитывала его тактическую разгрузку, стекая по ремням и обжигая холодом его бок.

Его парадигма изменилась в долю секунды.

Холодная, механическая жестокость, с которой он закинул меня на плечо, испарилась. Теперь он держал не упрямую девчонку, сопротивляющуюся эвакуации. Он держал поврежденный, бесценный контейнер. Биологический материал, который начал стремительно утекать сквозь пальцы.

Он плавно, с пугающей для его массивных габаритов осторожностью, опустил меня вниз.

Я оказалась на заднем сиденье 'Хаммера'. Прохладная, пахнувшая оружейной смазкой, озоном и сыростью кожа салона приняла мое обмякшее тело. Аарон усадил меня так предельно аккуратно, словно мои кости были сделаны из тончайшего, хрупкого стекла, и слегка откинул спинку сиденья назад.

Сабрина втиснулась следом. Она забилась в самый угол салона, обхватив колени дрожащими руками. Ее лицо было блее больничных простыней. Она смотрела на темную, пульсирующую лужу, стремительно расплзающуюся по моим штанам, и изо всех сил кусала нижнюю губу. На ее глазах блестели слезы, которые она пыталась подавить, до крови впиваясь ногтями в собственные ладони.

Аарон отступил на шаг. Его глаза-обсидианы сканирующе прошли по моему лицу, фиксируя неестественную бледность кожи, испарину на лбу и расширенные зрачки. Затем он посмотрел на свои руки, перепачканные в моей крови.

— Тейт! — рявкнул он.

Его голос больше не был тихим и бесстрастным. Он ударил по ушам, как пушечный выстрел.

— Брось этого идиота. Бегом к багажнику. Достань аптечку и нейро-блокатор. Живо!

Тейт нехотя убрал оружие от виска Джима и медленно поднялся, брезгливо отряхнув колено.

— Блокатор? Ты серьезно, командир? — Тейт подошел ближе, скептически покосившись на мое окровавленное бедро сквозь открытую дверцу. — У нас всего две ампулы спецпрепарата на случай тяжелого ранения кого-то из отряда. Ты собираешься тратить его на эту лабораторную девчонку? Обычный полевой морфин или оксикодон вполне справится. Она просто кусок мяса с нужной ДНК. Выживет.

Воздух вокруг нас, казалось, мгновенно замерз.

Аарон медленно, угрожающе плавно повернул голову к своему подчиненному. В его взгляде не было открытой ярости, но от этого ледяного, смертоносного спокойствия у меня по спине пробежал мороз, перекрывая даже пульсирующую боль в ноге.

— Ты смеешь оспаривать мой прямой приказ в зоне операции? — голос Аарона упал до глухого, вибрирующего рыка. — Это не 'девчонка'. Это Объект. Твоя единственная цель. Если она откинется от болевого шока или потеряет критический объем крови до прибытия в бункер, док снимет с тебя шкуру заживо. А я буду держать скальпель. Аптечку. Сюда. Сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.